

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления!
Просим вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения.
Спасибо.

Руби Диксон

«Инопланетная невеста по почте»

Серия: из сборника «Невесты по почте»

Автор: Руби Диксон

Название на русском: Инопланетная невеста по почте

Серия: из сборника разных авторов «Невесты по почте»

Перевод: Сандра

Редактор: Eva_Ber

Обложка: Таня Медведева

Оформление:

Eva_Ber

Аннотация

Хотя Эмвор по-прежнему страдает от шрамов своего прошлого как межгалактического воина, сейчас он наслаждается спокойной, выбранной им самим фермерской жизнью. Его даже не волнует, что большинство ночей на отдаленной Кассе он проводит в одиночестве, тем не менее, ему требуется помощь на его ферме. Невеста по почте из его родной планеты кажется идеальным решением. Она будет высокой, крепкой женщиной, которая будет помогать по хозяйству и рожать его детей.

Но, к сожалению, особа, которая приезжает, — Николь. Она маленькая, хрупкая... и человек. Она совсем ничего не знает о сельском хозяйстве. А еще она солгала и ввела в заблуждение, чтобы через галактику добраться до Кассы, дабы спрятаться от тех, кто могли бы её найти и похитить. Она — проблема, но в то же время, самое соблазнительное существо, которое он когда-либо видел...

Теперь Эмвору предстоит решить, стоит ли ему оставить женщину, которая совсем не такая, как он потребовал, однако являет собой все, в чем он нуждается?

Глава 1

ЭМВОР

Если и есть особь, с кем бы мне не хотелось встретиться в космодроме, то это Санджурел. Касса II планета очень маленькая, причем с малочисленным населением, а ее жители, вроде Санджурела, создают впечатление, что она даже еще меньше. Нет ни одной, даже самой мельчайшей крупицы местных новостей, которые не были бы ему по душе, начиная с того, чьи посевы в этом сезоне не дали хороший урожай и чье поголовье носилось по землям соседа, заканчивая тем, кто избивает свою пару.

Я не из тех, кого все это заботит. Я опускаю голову и не высываюсь, чтобы не иметь с ним дел. После многих лет службы не на одной войне, все, что мне сейчас нужно, — это тихая, спокойная ферма и ясная погода. Сельскохозяйственные культуры для выращивания. Поголовье скота для разведения. Немного кредитов в записке. Вот и все, в чем я нуждаюсь. Поскольку община на Кассе такая маленькая, жители, как правило, склонны поддерживать дружественные отношения и влезать в дела друг друга. Такое происходит на всех планетах, населенных фермерскими общинами. Избежать подобного невозможно. Я не общительный, поэтому живу сам по себе. Вместо того, чтобы ходить на общественные мероприятия, с помощью дрона я от себя посылаю им щедрое количество еды. И раз уж я показываю всем, что сосед я дружелюбный, никто слишком сильно меня достает.

Но от Санджурела скрыться невозможно, стоит ему только тебя увидеть. Будь готов к славной и долгой беседе.

А так как я хожу, сильно прихрамывая, да и лицо у меня покрыто шрамами, меня довольно сложно не заметить.

— Эмвор! — кричит он, махая рукой. Он заметил меня прежде, чем я успел отыскать миленькую горку грузовых контейнеров, за которыми можно спрятаться. Предсказуемо.

Направление я не меняю, а иду куда шел, просто, приветствуя его, слегка касаюсь краешка своей шляпы и надеюсь, что до него дойдет.

Ну, это же Санджурел, до него не доходит. Старик — такой же месакка, как и я, — рысцой бежит в мою сторону, нетерпеливо размахивая хвостом.

— Рад тебя видеть, сынок. Вечность уже прошла с тех пор, как ты показывался в этом месте.

— Ага, — отвечаю я спокойно, продолжая проходить на станцию, крепко сжав в своей вспотевшей руке планшет. Я не хочу, чтобы он интересовался, зачем я здесь. Только не лови кайф, спрашивая, старик...

— Итак, что привело тебя сегодня в маленький космопорт Кассы? — спрашивает он с рьяной настойчивостью в голосе. — Закупил какие-то новые запасы? Поставка с Родины? Ну?

Я сжимаю зубы, пытаюсь придумать, что бы такого подходящего сказать, что не породит относительно меня слишком много сплетен. Если я скажу «запасы», он захочет узнать, какой вид семян или породу скота, и возможно ли его скрещивание с местным скотом, что в итоге приведет к долгому разговору, из которого я уже не смогу выбраться. Разговор о Родине тоже не вариант, потому что тогда он захочет рассказать мне о войнах, через которые он прошел, будучи молодым месаккой, и это может занять весь гребанный день, а я хочу войти и как можно быстрее убраться отсюда.

— Гостя, — говорю я наконец.

Его глаза загораются, и я понимаю, что вот этого говорить точно не стоило.

Так ошибиться и налажать! Теперь вся планета узнает, что я обзавелся невестой.

Именно то, чтобы другие об этом узнали, я старался избежать. Не потому, что стыжусь этого, а потому, что это означает, что мне придется общаться и присоединиться к жизни общины, но боюсь, я плохо переношу все это. Я переехал на Кассу, чтобы от всего этого сбежать, а все так и норовят вернуть меня во все это. Я неразговорчив и люблю помолчать. Я люблю свой тихий дом. Я люблю свой обретенный покой, ведь мне нет необходимости просыпаться в бараках, переполненных другими телами, одновременно с тобой мчавшихся в уборную, разделяющих твое личное пространство, дышащих с тобой одним воздухом, все разом треплющих языком и нарушающих твой покой.

Я не чувствую себя одиноким и не скучаю по компании, это уж точно.

Ну... ладно, возможно, я немного скучаю по некому особенному виду компании. Из-за этого, в конечном итоге, я и захотел найти себе невесту. Я продолжаю шаркать вперед, втайне желая о том, чтобы моя хромота позволяла бы мне идти быстрее. Санджурел ходит медленно, все же я не в состоянии ускорить шаг настолько, чтобы его обгонять. Уж слишком он горит желанием услышать от меня как можно больше.

У него будет тот еще урожайный денек с возможностью разгуляться вовсю, когда узнает, что у меня объявилась невеста. Зовут ее Шиари, и она месакка. Ей сорок пять. То, что нужно. Еще ни с кем не была в паре. Ее привлекают дети и жизнь на ферме. Понимает, что эмоциональная привязанность не так уж и важна.

В целом, она именно то, за что я заплатил.

Прошли годы с тех пор, как я общался с женщинами. Слишком много, со времен войны, и задолго до того, как выстрелом было повреждено, а потом восстановлено мое лицо. То же касается и ноги. И то, и другое делают меня уродливее остальных, поэтому я предпочитаю жизнь отшельника и ни с кем не общаюсь. После военных сражений и

тяжелой жизни воина, ведение фермерского хозяйства — тихая и спокойная радость. Я никогда не обращал внимания и был не против того, что живу в полном одиночестве, вплоть до прошлой зимы, когда я сорвался с крыши своего хлева, когда пытался ее починить. Сломал себе руку и ногу. Рядом никого — даже робота-помощника, так как после войны я не доверяю роботам — вернуться в безопасность моего дома и перевязать раны — то, что представляло собой непростую задачу. Я в курсе, что в этой сфере деятельности травмы возможны, но поскольку была зима и не было посевов, которые нужно было бы собирать, а поголовье было поставлено на программу автоматической подачи корма, все, что мне нужно было сделать, — это лечь на свою койку и попытаться исцелиться.

У меня было много времени на размышления.

Хотя мне нравится жить одному, было бы неплохо, чтобы в хозяйственных работах на ферме помогала еще одна пара рук. Я был бы не прочь еще одной живой душе в постели зимними ночами и с кем время от времени поделиться соображениями.

А еще я был бы не прочь милому и уютному влагалищу, которое мог бы трахать.

Мне не обязательно много, к тому же я знаю, что совсем не загляденье, собственно говоря, я вообще не предмет вожделений для хотя бы одной женщины. Поэтому я провел кое-какое исследование и нашел службу, которая помогает мужчинам наладить отношения с женщинами, которые нуждаются в супруге. Большинство женщин, которые выставляют свои кандидатуры на подобного рода сделки, — преступницы или пытаются от чего-то скрыться. Мне нет дела до этого. Мне просто нужна милая, тихая женщина, которая не против фермерской жизни. Я решил, что могу позволить себе быть придирчивым и заявил, что не хочу никого с проблемами.

Это значит, что она, скорее всего, будет такой же безобразной уродиной, как те животные из поголовья, но мне на это наплевать. И я подумал, что потребуется время, чтобы мой запрос привлек хоть какой-то интерес. Касса находится на самом краю известной нам Вселенной и на ней только один населенный пункт. Тут ведут очень, очень спокойный образ жизни, и я видел, как некоторые оседают здесь, чтобы через несколько лет снова уехать, так как мало кому она подходит.

Меня застало врасплох, что ответ пришел в течение месяца. Шиари кажется идеальной, даже несмотря на то, что она не прислала голограмму своей внешности. Мне плевать. Я женюсь на ней не ради ее внешности. Я женюсь на ней для того, чтобы в следующий раз, когда я упаду с крыши, мне не пришлось зашивать собственную ногу и накладывать на нее шины, а затем возвращаться, чтобы в полном одиночестве закончить ремонт крыши.

Мои нужды практичны, хотя я бы не возражал против пары, проявляющей интерес к спариванию.

Но я ничего из этого Санджурелу не говорю. Он и так выглядит слишком воодушевленным, словно сейчас впадет в экстаз.

— Гостя, — повторяю я, произнося это твердым и прохладным голосом. Я решительно обгоняю его.

Наконец-то поняв намек, он уже не гонится за мной, а позволяет мне растеряться в малочисленной толпе на станции.

— Что ж, отлично! — кричит он мне вслед радостным голосом, несмотря на мое отношение. — Если будет охота, в конце недели мы устраиваем праздник. Приводи с собой свою гостью!

— Я пришлю туда чего-нибудь, — говорю я, пребывая в полном безразличии, услышит ли он меня или нет. На станцию на посадку заходит космический корабль, что означает, что моя женщина — моя пара — совсем скоро будет здесь. Несмотря на холод на открытом воздухе, я начинаю покрываться потом. *«Я совсем не нервничаю, — иронизирую я над собой. — Я просто в сильном смятении из-за встречи с Санджурелом»*. Не успеет еще этот день закончиться, а все по эту сторону Кассы уже будут знать, что к замкнутому, неприветливому Эмвору Вас Килэсену заявилась гостья, женщина.

Космическая станция гудит постоянной низкой механической вибрацией техники. Куда бы я ни посмотрел, везде производится выгрузка кораблей, слышится шипение вихревых роботов, обслуживающих двигатели и перемещающих контейнеры. Приземляющийся космический корабль, издав рев, выключает двигатели и замедляется, осторожно направляясь к помеченному месту. Народу здесь мало, всего несколько, и толпа состоит исключительно из механизированных роботов. Чтобы не попасть под колеса, я убираюсь с грузового подъездного пути и, отойдя в сторону, ковыляю туда, где другие, похоже, ожидают пассажиров. Парочка знакомых лиц поворачиваются, бросая на меня любопытные взгляды, но я не обращаю на них внимания. Наверняка они считают, что я здесь, чтобы забрать припасы. Однако, от роботов я держусь подальше. Ненавижу эти штуковины. Всегда ненавидел.

Несколько лиц — месакки и ооли, сзэт и кравингяне — смешиваются друг с другом, когда они покидают корабль. Я замечаю прекрасное синее лицо, и мое сердце на мгновение замирает. Но она проходит мимо, направляясь, чтобы обнять какого-то старика и его пару. Значит, это дочь, прибывшая, чтобы навестить родных. Я приглядываюсь к остальным, пытаюсь понять, которая из них окажется моей невестой.

Но потом, конечно, я вижу ее. Она стоит позади группы, словно ждала, пока все остальные высадутся, прежде чем покинуть корабль. Двигается она медленно, а в руках в перчатках сжимает небольшую сумку. На ней очень-очень длинная широкая одежда, которая тянется по пыльной земле Кассы, когда женщина сходит с грузового эскалатора на землю. Ее голова покрыта капюшоном, но мне удастся мельком увидеть синюю кожу, когда она оглядывается вокруг. Она кого-то ищет.

Я уже поднимаю вверх руку, словно неопытный, нетерпеливый мальчишка, но потом сдерживаю себя. Все это ведь не ради любви или привязанности, и я не хочу, чтобы меня неправильно поняли. Если она подумает, что я жду не дожусь нашей с ней встречи, это может задеть ее чувства потом, когда она поймет, что все, чего я хотел, — это скромную компанию. Я скрещиваю руки на груди. Остальные уберутся, и тогда останусь только я. Я не двигаюсь с места, в основном потому, что хочу увидеть ее реакцию.

Среди роботов она замечает небольшое скопление народа и начинает идти к ним, у нее маленькие шажки и какая-то странная походка, как будто она решила ходить с излишней тщательностью. Странно, да и выбор ее одежды не менее странный. День сегодня теплый, и сезон не станет холодным еще несколько месяцев. А может, она прилетела из очень холодного места и не переделалась? А может, она просто предпочитает прикрываться?

Ну не знаю, пожалуй, не мое это дело и мне плевать. В конце концов, я не потребовал фотографию. Я пытаюсь толком рассмотреть ее лицо, но оно скрыто под капюшоном. Все, что я вижу, — часть ее синего подбородка. Хотя, пока она идет вперед, она поглядывает на меня. Я ожидал, что что-то почувствую, увидев ее, но вот... странно. Я вообще ничего не чувствую. Она очень пустая, так как не могу различить ни единую ее черту. Мне бы хотелось, чтобы у нее был большой нос, странные зубы или тяжелые брови. Что-то, что придало бы ей немного уникальности. А она просто... вот. Ее взгляд встречается с моим, и с ее глазами что-то не так, хотя не понимаю, что именно.

— Эмвор? — спрашивает она, подходя ко мне. Капюшон она не снимает, не улыбается. Всего лишь приветствует, глядя на меня своими странно мертвыми глазами. — Я — Шиари, твоя невеста.

И, похоже, я обрел себе пару.

Глава 2

ЭМВОР

Она неразговорчива. Шиари молчит, пока мы садимся в аэросани и на огромной скорости несемся по направлению к моей ферме. Мы проезжаем мимо саней Санджурела, потому что удача явно не на моей стороне. Другой мужчина вытягивает шею, пытаясь разглядеть мою пассажирку, но она не поднимает капюшон. Знаю, что он ожидает встретить ее на том празднике, но я туда не собираюсь.

Если только она не захочет. Наверное.

Честно говоря, я никогда не задумывался о том, чего бы ей хотелось или не хотелось. Мне казалось, что у меня будет больше времени, чтобы хорошенько обдумать всю эту затею с «невестой», но видимо нет. Я оглядываюсь на нее, но она до сих пор остается молчаливой, а ее внимание обращено на скользящие мимо поля. То, что она не очень-то разговорчивая, совсем не плохо, все же в ее молчании есть что-то такое, что меня нервирует. Проезжая через долины и по пыльным дорогам холмистого ландшафта Кассы, я поворачиваюсь и замечаю, что ее руки в перчатках дрожат. Кое-что и в ее руках кажется странным. Они очень маленькие.

Она замечает мое внимание и наглухо прячет их под свою сумку, и тогда мне становится стыдно за то, что посчитал, что она какая-то странная.

Она просто нервничает. Может ей не нравится то, что она видит, когда смотрит на меня. Правда, я упоминал, что я бывший военный. Не думаю, что она ожидала, что я могу быть красавчиком. Большинство, выживших в войне, целыми и невредимыми не возвращаются.

Мы возвращаемся ко мне домой в полной тишине. Я рассматриваю его, пытаюсь увидеть его ее глазами. У большинства фермеров подобного типа дома, дома — геомодули, хорошо защищающие от жары и холода, и могут противостоять сильным ветрам, землетрясениям или еще чему-нибудь, что мир может на нас обрушить.

— Что скажешь? — спрашиваю я, нарушив собственное молчание.

Она не смотрит на меня, ее взгляд устремлен на мой дом.

— Он похож на яйцо, — отвечает она мгновение спустя ровным и очень приятным голосом, и он — самое красивое, что есть в ней, без раздумий решаю я. В нем

проскальзывает намек на какой-то акцент, который я не могу вычислить, но в остальном он звучит убедительно.

На самом деле, очень приятно. Я чувствую, как при мысли о брачном ложе у меня в моем нижнем белье напрягается член. В ее контракте со мной оговорено, что дети рассматриваются как возможность.

Может я смогу ее разговорить, пока буду внутри нее. От одной мысли об этом у меня даже кожу покалывает от удовольствия. В голове не укладывается, как сильно мне бы этого хотелось. Я жестко прерываю эти мысли и предлагаю женщине руку, чтобы помочь ей спуститься с аэросаней.

— Я справлюсь, — заявляет она мне, избегая прикоснуться к моей руке. Задержавшись на мгновение, она спускается, тяжело приземляясь в водовороте юбок из плотной ткани, и поправляет капюшон, прежде чем встает на ноги.

Я поднимаю глаза на солнце, палящее у нас над головой. Я привык к здешней погоде, но здесь так жарко и немного душно из-за механизированных распылителей, которые поддерживают почву возле фермы влажной.

— Тебе наверное стоит переодеться, — говорю я ей. Дерьмо, я своей болтовней только перехожу все границы дозволенного, да?

— Зачем? — она крепко прижимает сумку к груди.

Я поднимаю лицо к солнцу, что светит у нас над головой.

— Немного жарковато. К тому же, платье у тебя красивое. Наверное, захочешь сохранить его для выездов и наденешь что-нибудь менее маркое, чтобы чувствовать себя более удобно и по-домашнему.

Ее напряженное тело секунду спустя расслабляется.

— Что ж, хорошо.

Пока она выжидательно смотрит на меня, я не могу не заметить, что ее глаза кажутся такими... неживыми. Мне как-то не по себе. Совершенно обескураженный, я отвожу глаза и, хромая, иду вперед.

— Давай, я покажу тебе спальню, — этой ночью она может спать там одна, потому что, как бы сильно мне ни нравился ее голос, я не уверен, не помешает ли мне взгляд этих странных пустых глаз.

Я показываю ей дом, а она едва окидывает его взглядом, прежде чем войти в спальню. Она немного хмурится, осознав, что дверной проем без двери, но так как я живу один, я никогда в ней не нуждался. Однако ей это будет мешать, и переодеться будет непросто.

— Пойду-ка я на кухню и найду тебе чего-нибудь попить. Ты любишь чай?

— Чай был бы замечательно, — отвечает она мне, и ее акцент проявляется еще больше. Она прижимает сумку к груди, не сводя с меня взгляда до тех пор, пока я не уйду. Проклятье, странно это.

«Вообще-то, все это странно», — думаю я про себя, быстро направляясь в сторону кухонной зоны моего дома. В конце короткого коридора я останавливаюсь, задумавшись, может вместо чая мне стоит с ней поговорить. Сказать что-нибудь, чтобы успокоить ее. Избавить ее от этого безжизненного взгляда, что стоит в ее глазах. Если она разочарована в своем партнере и хочет разорвать наш брачный контракт, наверное, лучше узнать об этом как можно скорее.

Я поворачиваюсь и иду вниз по коридору, направляюсь обратно в спальню. Может, я сумасброд, но я замедляюсь, ступая медленно и аккуратно, пока я не иду совершенно бесшумно. Хочу застать ее врасплох. Не потому, что хочу увидеть ее обнаженной — не уверен, что чувствую сейчас насчет этого — а чтоб увидеть ошарашенное выражение ее лица, которое хотя бы скажет мне, что внутри нее есть что-то похожее на искру. Я добираюсь до дверного проема и останавливаюсь, потому что она не смотрит в мою сторону.

Она сидит спиной ко мне, и, пока я наблюдаю, она тянется под юбки и снимает ботинок на самой высокой платформе, которую мне доводилось видеть. Должно быть, длиной с мою руку. Даже представить не могу, как она ходит в чем-то подобном, а потом вспоминаю ее странную, шаркающую, чрезмерно осторожную походку в космодроме. Но зачем носить такие высокие ботинки?

Она вздыхает от удовольствия, и этот звук так сладок и соблазнителен. Ничего прекраснее его я в жизни не слышал. Затем она отбрасывает второй ботинок в сторону и разминает плечи. Мне кажется, я должен сказать что-то, но мне ужасно любопытно, что происходит. Вместо этого я наблюдаю, как она тянется к высокому воротнику ее платья, вытаскивает из платья толстую клинообразную штуку и бросает ее на пол. И теперь ее плечо выглядит вдвое короче второго.

Что происходит?

Она вытаскивает второй наплечник, нюхает его, а затем, издав неприятный звук, напоминающий кашель, пренебрежительно откладывает его в сторону.

Без наплечников внутри платья она выглядит такой... крошечной. Что-то во всем этом не так, и я понимаю, что она намного, намного меньше ростом, чем была бы любая взрослая месакка. Элегантное платье, идеально подходящее ей еще несколько минут назад, теперь свисает с нее широкими складками.

— Кто ты? — требую я, скрестив на груди руки, выжидая ее ответа.

Женщина резко поворачивается и вскрикивает, и когда она это делает, ее лицо мерцает бликами. Она встает на ноги, и я понимаю, что ростом она до середины моей груди. Но едва я успеваю это понять, как мгновение спустя она протягивает руку и снимает капюшон, и тогда до меня доходит, почему ее лицо мерцало и почему выражение ее лица казалось таким странно безжизненным.

Это — голограмма. В тот самый момент, когда она снимает капюшон, голограмма исчезает и раскрывает ее истинное лицо. Волосы под капюшоном не насыщенно черные. Они того же золотисто-коричневого оттенка, что и у урожая зерновых, когда наступает время жатвы. Ее лицо приобретает не синий цвет, а странно бежевый. Черты ее лица миниатюрные, а лицо плоское, без бугристых наростов на лбу и без рогов, горизонтально очерчивающих его структуру. Она поднимает голову и вызывающе смотрит на меня, словно бросает мне вызов засыпать ее вопросами.

Почему-то мне очень нравится такое вызывающее неповиновение. Оно наполняет меня чувством облегчения, даже несмотря на то, что злюсь из-за того, что меня обманули. Она не с безжизненными глазами. Она — фальшивка.

— Что ты такое? — спрашиваю я снова.

— Я — человек, — отвечает она. — И ты можешь называть меня Николь.

Глава 3

НИКОЛЬ

Меня раскрыли. Конечно, я и так знала, что это произойдет. Это был лишь вопрос времени, прежде чем мне пришлось бы признаться. Но то, как это произошло, напугало меня. Я знала, что он разозлится. Я просто надеялась...

Ну, я не уверена, на что надеялась. Однако мрачный гнев, пылающий в глазах моего нового мужа, не так уж для меня и неожиданный. Настал момент, когда я должна произнести ту речь, которую я тренировала снова и снова, с тех пор, как мы с Леандрой впервые придумали этот план.

— Позволь мне все объяснить, — начинаю я, пытаюсь сохранить мой голос ровным и спокойным, и насколько могу, не допуская в словах мой «человеческий» акцент.

— О, пожалуйста, будь так добра! — он сужает глаза, а тон его голоса твердый и разъяренный.

Конечно. Дергая за пальцы, я стягиваю перчатки. Мой безымянный палец пульсирует от того, что так долго был соединен с моим средним пальцем в коже распаленного пластика, но перчатки были необходимы как часть маскировки. У всех месакка на руке всего по три пальца, помимо большого, и мои руки тут же меня бы выдали.

— Я знаю, что ты отправил запрос относительно пары, — продолжаю я спокойно. — Твои требования заключались в том, чтобы у нее не было криминального прошлого, чего у меня нет. Чтобы она была готова усердно работать на ферме до конца своей жизни. Я готова. И еще ты просил, чтобы она выражала желание родить тебе детей. Я хочу и вполне способна все это выполнить.

Взгляд, которым он меня окидывает, выражает откровенный скептицизм.

— Ты человек. Я даже не знаю, что это такое. Я видел только одного, и то в... — он прерывается, и у него на лице появляется причудливое выражение.

— В развратного рода видео? Знаю. Меня и таких, как я, похитили с нашей планеты и как животных продали на черном рынке, — я разглаживаю свои перчатки, которые держу в руке, поскольку это дает мне возможность чем-то заняться, чтобы остановить дрожь. — Кстати, мы не ничтожный и бесполезный вид. Мы просто разные.

— И, несмотря на это, ты хорошо говоришь на нашем языке. Без пауз. Без акцента.

Я киваю головой. Без пауз, потому что я выучила его язык, не желая полагаться только на внедренный чип-переводчик. Без акцента, потому что я упорно работала, чтобы путем упражнений вывести его из своей речи. Я хотела, чтобы все было идеально для моей маскировки.

— Я живу среди твоего народа с двенадцати лет, — уставившись на меня, он шарахается в сторону, и я понимаю почему. Месакки не считают женщину «взрослой», пока ей не исполнится двадцать лет, что составляет около семнадцати земных лет. — Это было более двенадцати лет назад, — добавляю я, чтобы он не паниковал, и вся эта обрушившаяся катастрофа прекратилась.

— Значит, ты..., — прокашливается он.

— Рабыня удовольствия? — я мотаю головой. — Меня продали очень доброй, очень богатой пожилой женщине месакка, которой нравилось владеть своим зверинцем. Я показалась ей занятой, а когда она поняла, что я разумна, сделала меня чем-то вроде

компаньонки, — вспомнив Леандру, у меня слегка сжимается в груди. Время от времени с ней было трудно ладить, но быть ее подругой больше всего походило на то, что у меня есть семья, раз уж меня похитили из моей собственной. — Моя леди была очень старой, и когда она поняла, что жить ей осталось недолго, она помогла мне организовать договоренность в отношении моего будущего.

— Договоренность, — произносит мужчина категорическим голосом. «Эмвор», — я напоминаю себе. Так его зовут. Теперь он обрел лицо. Он уже не просто запись в моих проездных документах.

Я киваю головой, продолжая, хотя вижу, что теряю его. Я надеялась на большее сочувствие, большее понимание от одинокого фермера, который хотел обрести жену. Но именно поэтому я должна сильно постараться, так что я сделаю все, что только смогу.

— Да. Она волновалась — и вполне обоснованно — что, когда она умрет, ее имущество будет конфисковано семьей, и никто не захочет меня приютить. Ну, понимаешь, людьми владеть незаконно. Если нас обнаружат, нас не доставят обратно на нашу родную планету. Никому не позволено к ней приближаться, а те, кто похитили меня, конечно же, не помогут мне вернуться. Так что я оказалась бы в каком-то зоопарке, на мне ставили бы эксперименты или, если мне очень не повезло, я закончила бы свои дни в борделе на какой-то грязной станции. Моя леди по-своему меня любила и не хотела, чтобы со мной такое произошло. Поэтому мы пытались придумать какое-нибудь место, где я могла бы быть в безопасности и держаться подальше от основных центров, где мне могли бы причинить вред.

— И поэтому ты приехала сюда.

— Да. Твоя планета очень малонаселенная, и я просмотрела отчеты о твоей ферме, твой участок самый отдаленный из всех на этом материке, и ты преуспеваешь. Я подумала, что если бы я могла остаться тут, на ферме, и родить тебе детей, ты бы не возражал так сильно, что я не... месакка.

Взгляд, которым я смотрю на него, полон мольбы. Мне нужно, чтобы он понял. И еще мне нужно, чтобы он понял, насколько это тяжело для меня. Я размениваю свое тело и свое будущее в надежде, что он защитит меня, потому что я окажусь в том борделе на космодроме, если он не даст мне шанс.

Жизнь человека в обозначенном космическом пространстве тяжелая. Я выучила это в течение этих лет. Леандра постоянно таскала меня с собой на поводке, и меня щипали в бóльшем количестве мест, чем, как я думала, их у меня есть. Надо мной издевались и лапали мужчины, считавшие, что она не обращала внимание. И на меня бросали слишком много любопытных, похотливых взглядов мужчин — инопланетян, которые хотели узнать, каково это — забираться на человека. С тех пор, как Леандра умерла, я познала все это чересчур хорошо. Я совершенно одна во всей Вселенной, и, если я попаду в беду, мне никто не поможет. Если какой-то инопланетянин схватит меня и изнасилует, а другой инопланетянин будет проходить мимо? Вновь прибывший, скорее всего, тоже меня изнасилует, нежели спасет. Никто не считает людей настоящим народом с даром мышления и речи.

Так что... я в тупике. И мне отчаянно нужна помощь этого мужчины.

— Незаконно владеть человеком, — медленно говорит он, и выражение его лица сурово и неумолимо, как никогда. — Но я, как предполагается, должен на тебе жениться?

— Ты же хочешь компанию, так ведь? Помощь по хозяйству? Это мне по силам. Мне не обязательно быть месаккой. Человек может помогать с той же легкостью.

— Можешь, сейчас? — Эмвор наклоняет ко мне голову. — Умеешь заботиться о зверях?

Я улыбаюсь, так как мне уже не терпится.

— Да, конечно! Вообще-то, я заботилась о зверинце Леандры, и во время путешествия сюда я прочитала несколько руководств по ведению сельского хозяйства. Я знаю, что нужно делать и как о них заботиться. На Земле я росла на ферме, поэтому я совершенно уверена, что могу быть полезной.

Он фыркает.

— Ты вдвое меньше месакки, и готов поспорить, в тебе вполровину меньше сил. Что будет, если мне понадобится помощь в доставке сена поголовью?

Я готовилась к вопросам, подобным этому.

— С такого рода делами, не хуже месакки, запросто могут справиться сельскохозяйственные роботы. Для таскания тяжестей я тебе не нужна. Мы оба это знаем.

Он не признается, что я права в том, что автоматизированные роботы могут выполнять большую часть сельскохозяйственных работ. Более того, судя по выражению его лица, он все больше и больше от меня дистанцируется, и я не могу не чувствовать, что, сказав это, я еще больше усугубила ситуацию. Спустя очередную безмолвную минуту он оглядывает меня с головы до ног, и выражение его лица холодное, как никогда.

— И предполагается, что я должен лечь с тобой в постель? Заделать тебе ребенка, чтобы никто не мог тебя забрать?

Должна признать, это было частью моего плана. Если я буду матерью его детям, они будут хоть частично, но все же месакками, и я буду в безопасности.

— Понимаю, что мы из разных видов, но благодаря моей прежней хозяйке я посещала врача-репродуктолога и принимала гормональные препараты. В ближайшие пару месяцев я могу забеременеть в любой момент, а после этого могу дополнительно принимать добавки, чтобы активизировать свою плодовитость.

Выражение лица Эмвора прочитать невозможно.

— Похоже, ты все продумала, да?

— Я старалась, — нервно отвечаю я. Как же много зависит от его решения.

— Все, за исключением того, как я отнесусь к тому, что меня облапошат и вынудят взять себе в жены инопланетного карлика.

Меня передергивает от злости в его голосе, и, когда он уходит, я остаюсь там, где стою. Я знала, что он разозлится. Надеюсь лишь, что он из тех, кто легко справляется со своим гневом. Может, он поймет, что я ничем не хуже любой другой женщины, на которой он решил жениться. Ему было плевать на внешность невесты, так почему моя человечность теперь стала такой важной? Мы настолько далеко от большинства цивилизованных центров галактики, что никто и никогда здесь не объявится в поисках контрабандных инопланетян. Я буду в безопасности... до тех пор, пока он позволит мне тут оставаться.

Придется убедить его, что могу быть подходящей для него женщиной. Так что, даже не смотря на то, что устала, я переодеваюсь и приступаю к работе.

Глава 4

ЭМВОР

Человек. Вот дерьмо! Да я даже не знаю, что с ним делать. Она не то, что я просил, и это — все, что могу сказать. Сбежав в хлев, на своем планшете в быстром поиске я набираю людей. Не то, чтобы я прячусь от нее, но этот дом не такой уж огромный. Не рассказывается ничего, чего я уже не знаю. Две руки, две ноги. Планета расположена в далекой галактике на окраинах известного космического пространства, Класс Д. Все фотографии и показанные видео поступили из бестиариев или больших зоопарков. Быстрый поиск в новостных статьях показывает мне, что она не ошибается — большинство людей «найдено» в рейдах на бордели и «конфискованы». Правда, в тот самый момент, когда я начинаю искать людей, на моем планшете выскакивает реклама с множеством весьма откровенных фотографий людей в разных позах, которые все могут стать моими по разумной цене. Я с отвращением закрываю свой планшет.

Меня бесит, что она не ошибается.

Может, я неприветливый и люди мне не по душе. На самом деле я не выношу практически всех почти так же сильно, как ненавижу роботов. Но я не настолько большой ублюдок. Я не отошлю ее, зная, что она станет пленницей такой жизни. В любом случае, это конечно не значит, что я должен на ней жениться.

Я проверяю записи относительно своего брака. Они составлены на имя Эмвора Вас Килэсена, месакки с Родины, и Шиари Мил Аскрав, месакки со станции, название которой я лишь смутно признаю. Это не может быть признано, это уж точно. Она не является ни месаккой, ни указанной женщиной, Шиари. Контракт между нами недействителен. Она не моя.

Ну, тогда ладно. Я могу найти для нее хороший дом в каком-нибудь тихом местечке на Кассе, где ей ничто не будет угрожать. Здешние жители любят живность. Я уверен, что некоторые не откажутся от лишней пары рук, даже если они странно пятипалые. Как только я найду ей этот дом, она больше не будет моей проблемой, и я смогу вернуться в брачное агентство и запросить новую невесту.

Подобное не будет выглядеть подозрительно? Но придется решать проблемы по мере их поступления.

Пару часов в хлеве, управляя техникой, я занимаюсь делами, пока не завершается цикл. Доеение, кормление, замена сена и опилок на полу каждого стойла. Необходимо войти в систему и зарегистрировать жизненные показатели животных. Большинство фермеров и владельцев ранчо предпочитают легкий путь, выбрав использовать для такого рода работы множество роботов, но мне все еще снятся кошмары о роботе, который тогда, во время войны, выстрелил мне в лицо. Я не против делать все это сам, даже если это означает, что мне иногда приходится лезть в стойло к весьма сердитому быку, чтобы освободить часть зажатого оборудования. И мне это на пользу. Помогает мне думать.

У меня из головы не выходит человек, ожидающий меня в моем доме. Разумеется, думаю я о ней постоянно. Как бы я ни хотел отослать ее на все четыре стороны, я не могу этого сделать. Ей нужна крыша над головой и еда. Постель, где она могла бы спать. Правда, с этим у меня возникла кое-какая маленькая проблемка. Мой дом маленький — не видел необходимости его расширять, раз у меня нет детей. А завести детей можно лишь

двумя способами — твоя жена решает, что будет вынашивать их естественным путем, или берешь напрокат пластиковую сумку-матку и жертвуешь свой генетический материал и немалую кучу кредитов в виде платы за услуги. Разумеется, что, с тех пор, как я возненавидел роботы, уж точно мне ненавистна сама мысль о том, чтобы брать напрокат пластиковую сумку-матку. Все в этих краях делают это естественным способом. Наверное, подобная мысль отвратительна всем этим горожанам, живущим на Родине, но я, вроде как, заинтригован перспективой прикоснуться к собственной жене без разделяющей наши тела пластиковой оболочки, уберегающей от бактерий.

Может, я извращенец, но мне нравится идея наполнить мою жену семенем, в результате чего она забеременеет.

И это вновь возвращает меня к мыслям об этом человеке. Человеке с ее плоским лицом и странного цвета кожей. Ее тонких косточках и о том, что ростом она дотягивает лишь до моей груди. Она стала бы сплошным животом, если б вынашивала моего ребенка.

Не то, чтобы ей это предстояло делать. Я отошлю ее отсюда, как только найду для нее дом.

Придя в раздражение от собственных мыслей, я заканчиваю дела в хлеве, хлопаю быка по боку, чтобы дать ему понять, что покидаю его стойло, после чего возвращаюсь обратно в дом. Еще до того, как дохожу до двери, я чувствую запах готовящейся еды. У меня потекли слюнки. Как она умудрилась заставить мой процессор готовить, испуская такие охренительно вкусные запахи? Я постоянно пользуюсь этой штукой, однако моя еда так никогда не пахнет. Моя просто приемлема. Ее еда пахнет... божественно.

Я открываю дверь, и меня тут же окутывают запахи. Когда захожу внутрь, я вижу ее, повернувшуюся своей маленькой спиной ко мне, в то время как работает в кухонной зоне моего дома. Большой процессор, установленный в стене, в котором обычно готовится вся моя еда, выключен, а она что-то размешивает в кастрюле над небольшой плитой, которую я использую зимой для сжигания топлива.

Шиари — нет, ее зовут не так. Человек смотрит на меня с легкой, извиняющейся улыбкой.

— Надеюсь, ты не против, что я готовлю тебе ужин. Это самое малое, что я могу для тебя сделать.

Я задумчиво потираю подбородок. Я весь покрыт потом, чувствую себя усталым, к тому же порядком истощен морально с момента ее прибытия, тем не менее, больше всего на свете я не в силах избавиться от мыслей о запахах, исходящих из той кастрюли, которую она размешивает. Я направляюсь к единственному креслу в доме, что стоит около печи. Кажется неправильным садиться, не тогда, когда ей приходится стоять. Я захватываю большую охапку поленьев, складываю их возле печи и сажусь, используя их в качестве импровизированного табурета. Я изучаю ее, когда она снова принимается размешивать еду, глядя на меня с напряженным выражением лица, маскируя это своей сладкой улыбкой. У нее трясутся руки.

И теперь я чувствую себя монстром. Она явно напугана. Дерьмо. Я снова потираю подбородок.

— Знаешь, есть процессор, который приготовит все, что пожелаешь. Он уже загружен ингредиентами. Все, что нужно сделать, — включить его.

Человек оглядывается на меня, а ее улыбка растягивается чуть шире. В ее округлой щечке появляется чрезвычайно странное маленькое углубление, но это даже очаровательно.

— Знаю. Я давным-давно научилась таким пользоваться, но мне кажется, что в нем еда кажется на вкус какой-то странной. Слишком искусственной. К тому же, я люблю готовить. Это помогает мне, когда я нервничаю.

Мне так и хочется спросить, с чего бы ей нервничать, но я сдерживаю себя. Ну разумеется, она нервничает. Совсем недавно я прямо заявил, что она обманула меня, и она здесь не остается. И я отказываюсь чувствовать себя виноватым ни за то, ни за другое.

Она спасает меня от того, чтобы в ответ я опять поднял эту тему, налив в миску громадную порцию и предложив ее мне вместе с ложкой.

— Надеюсь, тебе понравится. Это наименьшее, что могу сделать, чтобы принести свои извинения.

В ответ я ворчу, засовывая в рот ложку. Во рту у меня взрывается букет вкусов, и мне приходится стиснуть зубы, чтобы сдержать вырывающийся стон. Это... самое вкусное, что я пробовал в своей жизни. Я еще раз набиваю полный рот, и еда столь же вкусная, как и в первый раз. Пряная, горячая, чертовски вкусная.

— Это вкусно, — признаю я. — А что это?

Женщина прямо сияет от удовольствия.

— Там, откуда я, мы раньше готовили нечто, что называется «чили». Ваши пищевые продукты и специи ничем не отличаются, так что я подумала, что могу кое-что приготовить. Это было одно из самых любимых Леандры.

Ее лицо накрывает печаль.

— Я сожалею, — говорю я машинально, а потом мысленно проклиная себя. Я не должен перед ней извиняться. Она солгала мне.

Она снова расплывается в улыбке, хотя улыбка вовсе не достигает ее глаз.

— Все хорошо. Я просто скучаю по ней. Так долго она была моей единственной подругой, и у меня уже давно не было никого, с кем поговорить.

Я съедаю еще одну ложку восхитительного блюда, после чего признаюсь.

— Я не очень разговорчив, — прежде чем она успевает что-то сказать на это в ответ, я добавляю. — Именно поэтому ты здесь не останешься.

Ее лицо бледнеет, сама она становится оцепенело неподвижной, а ее взгляд сосредотачивается на миску в моих руках.

— Понимаю.

— Нет. Не понимаешь. Дело вовсе не в компании. Я хотел кого-то в помощь в фермерском хозяйстве, — и намокшее влагалище, которое мог бы трахать, но эту тему я не поднимаю. — В таких делах ты не в силах мне помочь. Но я понимаю твою ситуацию, поэтому не хочу, чтобы ты паниковала. Мужчина я справедливый. Я не отправлю тебя обратно.

Напряжение в ее маленьких плечах расслабляется.

— Не отправишь?

— Нет, — я размахиваю своей ложкой. — Я не тот, кто тебе нужен, но на этой планете множество мужчин, которые нуждаются в паре и которым будет плевать, что ты такая маленькая. Через несколько дней будет одно мероприятие. Мы отправимся туда и найдем тебе мужчину.

Она снова замирает.

— Но что, если я предпочитаю остаться с тобой?

Я хмурюсь.

— С чего бы тебе этого хотеть? Я же только что сказал тебе, что не так уж и хороший из меня собеседник.

— Я не возражаю против этого. Ты относишься ко мне как к личности. Даже когда ты злишься на меня, — она заламывает руки у себя перед грудью. — Ты хоть представляешь, какая это редкость? Когда Леандра злилась на меня, она вела себя так, словно я нашкодившая зверушка, а не сознательное человеческое существо с разумом. Я любила ее, но она сразу невзлюбила то, кем я являлась. Я была бы счастлива остаться здесь, с тобой. Я буду вести себя тихо, если тебе нужна тишина.

— Я уродлив, — говорю я ей, мотнув головой. — И упрямый. И скупердяй.

— У тебя на кухне настоящая еда, а не только пакеты с переработанными ингредиентами. Это не так уж дешево. И я не трачу много денег, честно. У меня свои собственные средства, которые мне завещала Леандра, — ее растущая улыбка снова выявляет то маленькое углубление в ее щеках. Интересно, она когда-нибудь перестанет улыбаться? — И я не возражаю против упрямства. И я вовсе не считаю, что ты уродлив.

А теперь я ощущаю, как у меня начинает пылать кожа, и мне становится неуютно в собственном теле. Мне хочется скрыть свое лицо, но я сдерживаюсь.

— Травмы войны, — это все, что я говорю.

— И это нечто такое, абсолютно благородное, и я считаю, что ты выглядишь мужественно, — говорит она мне снова. — Кроме того, я знаю, что люди твоему народу кажутся совсем непривлекательными, — она пожимает своими изящными плечами. — Одному богу известно, из-за чего они продолжают похищать нас для секса.

Любуясь ее движениями, я догадываюсь, из-за чего. Из-за этого маленького, шикарного бантика ее губ. Из-за утонченности ее запястий, выглядывающих из рукавов ее туники. Из-за хрупкости ее фигуры и явно выраженного выступа ее груди, которые размером вдвое больше, чем у любой женщины месакка. В ней есть что-то, что затрагивает самые низменные потребности природы мужчины. Естественно, мужчина захотел бы трахнуть такую женщину, как эта. Даже я начинаю пугающе сильно возбуждаться от одной мысли об этом. Как бы она подо мной выглядела с ее золотисто-каштановыми волосами, рассыпанными по ее стройным плечам?

Я испускаю стон, как только этот образ с силой врывается в мое сознание. *«Нет, Эмвор. Ты не можешь оставить ее себе».*

Когда я поднимаю глаза, она смотрит на меня с любопытным выражением лица.

— Все в порядке?

Я резко киваю головой и указываю на стул, который оставил для нее свободным.

— Садись. Поешь.

Она так и делает, а когда она присаживается рядом со мной, я замечаю, что она носит штаны, точно так же, как и я. За исключением того, что они облегают ее стройные ноги и бедра и очерчивают зад, не имеющий хвоста, который кажется гораздо более упругим и округлым, чем задница любой месакки.

Может, это из-за специй в еде, но я чувствую, что покрываюсь потом. После надо будет помыться.

Настает тишина. Она ест. Я ем. В комнате спокойно. Я молчу, но не могу перестать думать о ней.

— Напомни-ка, как тебя зовут?

Человек прекращает есть.

— Николь. Леандре не нравилось, как мое имя звучит на ее языке, поэтому она заставила меня сменить его на что-то более месаккское. Мы выбрали Шиари, — она пожимает плечами. — Это имя не хуже, чем другие, и казалось немного похожим на Шехеразаду.

— А что это?

Она отворачивает лицо.

— Это всего лишь старая людская легенда о женщине, которая была вынуждена рассказывать истории и развлекать, чтобы спасти свою жизнь.

Еда у меня во рту вдруг становится безвкусной. Женщина, которая была вынуждена рассказывать истории и развлекать, чтобы спасти свою жизнь. От меня не ускользает параллель с ее собственной судьбой. Больше не могу этого слушать. Я и так уже слишком много о ней знаю, и от отчаянного гнева и собственной вины у меня желудок в узел скручивается все больше и больше. Я напоминаю себе, что не должен чувствовать себя виновным за то, что не оставляю ее здесь.

Тут я пострадавшая сторона.

Глава 5

ЭМБОР

После обеда я заканчиваю убирать территорию хлева и чинить кое-какие инструменты. Я убеждаю себя, что не избегаю человека. Просто стараюсь оставить ей больше пространства. И я, конечно же, не чувствую себя виновным.

Мне кажется, что, если я буду продолжать себе это повторять, в конечном итоге это окажется правдой.

Когда я захожу внутрь, дом убран, полы подметены и вымыты до блеска. Я не неряшлив, просто мне не очень нравится эта домашняя работа. Тем не менее, я в состоянии оценить прелесть, когда дом сверкает чистотой. Я знаю, что она старается проявить себя, и в очередной раз чувствую укол вины. На кухонном столе стоит свежая выпечка, а сам дом наполнен вкусными ароматами, словно человек еще кое-что печет. Мне на ум приходит сказанное ею раньше, то, что она готовит, когда нервничает.

Должно быть, сильно нервничает. Думаю, я не могу осуждать ее за это.

Из задней части дома доносится гул отпаривателя одежды и звук текущей воды. Жилище у меня маленькое, однако, ни в гостиной, ни на кухне я не вижу Николь. Интересно, что еще она чистит? Движимый любопытством, я направляюсь в спальню. Сам не знаю, что почувствую, если найду ее, зарывшись по самые уши в моем нижнем белье и отдраивая его.

Вместо этого, завернув за угол, я нахожу человека... совершенно голой. Спинай ко мне, она стоит в небольшом помещении в моей личной спальне, которое служит в качестве удобств. Я вижу ее в отражении зеркала, и ее кожа своей бледностью на фоне моих серого цвета стен прямо ослепляет. Вполне понятно, что под шум бегущей воды она не услышала, что я вошел. Мне кажется, я должен что-то сказать. Кашлянуть.

Хоть что-нибудь.

Однако оторвать взгляд просто невозможно. Невозможно не уставиться на эту раскрытую, голую, блестящую кожу. Ее груди обнажены, и пока я наблюдаю, Николь проводит мокрой тканью по их розовым кончикам и округлым выпуклостям. Член у меня в штанах болезненно напрягается, и, тут же отвернувшись, я выхожу из спальни, из гостиной и через парадную дверь на улицу. Я усаживаюсь на свое крыльцо и, обхватив голову руками, пытаюсь унять свое колотящееся сердце.

А вместо этого, все, что у меня перед глазами, — ее обнаженная, мокрая кожа. Когда закрываю глаза, я вижу, как с мечтательным выражением на лице она прижимает материю к своим грудям. Я вижу, как завитки золотистых волос скользят по ее плечам, и нежные изгибы ее бедер. Мне на ум приходят округлые выпуклости ее ягодич, то, насколько они бледные и шикарные и насколько непристойно похотливой на вид кажется расселина ее задницы без прикрывающего ее хвоста.

Член у меня в штанах становится настолько твердым, словно он из камня. Дерьмо. Прошло слишком много времени с тех пор, как я обратил свой взгляд на женщину, и гораздо больше с тех пор, как прикоснулся к хоть одной из них.

«Я вовсе не считаю, что ты уродлив».

«Нет, — напоминаю я себе. — Независимо от того, насколько сильно ты можешь быть увлечен ею, это потому, что за последние несколько лет она — единственная женщина, с которой ты общался дольше минуты. А вовсе не потому, что считаешь ее красивой и обаятельной. Не из-за улыбки и покачиваний ее ягодиц, когда она ходит».

Она недостаточно сильна, чтобы стать спутником в такой жизни, как здесь. И в чем я нуждаюсь, это — высокая, крепкая супруга, которая может оказывать мне помощь на полях. Это все, чего я хочу.

Мне нужно некоторое время, чтобы прийти в себя. Всякий раз, как встаю, убежденный, что я справился, мой член напрягается, и перед моим взором предстает образ, как она совершенно обнаженная моется. В результате я целый час наматываю круги вокруг дома, занимая голову мыслями о том, кого из моего поголовья мне в этом сезоне разводить с быком, а с кем мне подождать до следующего сезона. Размышления о животных и поголовье достаточно для того, чтобы прикончить в моем члене всякое, порожденное в нем, желание, и я могу войти в дом громко, умышленно хлопнув входной дверью.

Николь уже вернулась обратно на кухню, и из моей дровяной печи вытаскивает нечто, подозрительно похожее на домашний хлеб. Ее волосы мокрые, завязаны узлом высоко на голове, а несколько выющиеся завитков выются вокруг ее лица. На ней другая одежда, но все равно через материю я вижу волнующие линии ее грудей. Когда я захожу, она начинает мне лучезарно улыбаться улыбкой во все лицо.

— Привет-привет!

Мой член тут же откликается на ее голос, и я поднимаюсь на ноги.

— Буду спать снаружи, — рывкаю ей. — Ты занимаешь постель.

С любопытным выражением на лице она держит хлеб еще несколько мгновений.

— Я не хочу отнимать у тебя постель, Эмвор...

Дерьмо, теперь она произносит мое имя, а в ответ мой член уже стоит. Это просто невыносимо. Не обращая на нее внимания, ярываюсь в свою комнату. Хватаю запасное

одеяло с крышки своего сундука и возвращаюсь обратно, бормоча что-то про то, какая это чудесная ночь. Да, конечно, пусть она так и думает.

«Только не дай ей заметить перед своих штанов».

НИКОЛЬ

За завтраком Эмвор ведет себя тихо. Он уплетает еду быстро, хотя и безупречно, при этом не разговаривает. Он сказал мне, что не очень-то разговорчив, так что я не расстраиваюсь. Меня беспокоит то, что он так упорно отказывается даже взглянуть на меня. Я думаю о минувшей ночи и о том, как он буквально сбежал из дома, чтобы избежать меня, и это меня тревожит. Прошлой ночью я почти не спала, и я знаю, что в приступе паники я запекла в выпечку каждую крошку продуктов, что в этой кухне, если он не заговорит со мной, хоть немножко.

Так что я выжидаю, пока он откусывает большой кусок, одно мгновение — и он все уже прожевал, и я сжимаю руки.

— Могу я минутку поговорить с тобой?

Он выглядит, как перепуганный олень, ослепленный фарами. По-моему он довольно милый. Понятия не имею, с чего он решил, что внешне он уродлив. Есть что-то очень притягательное во внешности месакка с их резкими чертами лица, и на самом деле лицо у него красивое. Его рога большие и изогнутые, плечи широкие, а шея толстая. Для меня не имеет значения, что одна сторона его лица немного изрезана шрамами, а уголок рта слегка опущен вниз. Это означает, что у него есть с этим связанная история, прошлое, с которым он справился. Он — выживший.

Я его уважаю за это. На самом деле, мне его лицо нравится, даже очень. Я лишь хочу, чтобы и я ему нравилась.

— О чем? — спрашивает он хриплым и непреклонным голосом. Мне так и хочется то ли заламывать руки, то ли убежать и спрятаться.

— Я знаю, что ты злишься на меня, — я изо всех сил пытаюсь не поддаваться искушению схватить ближайшую миску и начать закидывать в нее ингредиенты. — Я понимаю, что то, что я сделала, было несправедливо по отношению к тебе. Я не задумывалась о том, каково будет тебе, будучи обманутым. Я лишь думала о том, как спастись. Намного легче, когда не знаешь действующее лицо по другую сторону существующей проблемы. Теперь, когда знаю, я понимаю, что то, что я сделала, было неправильно, и я, правда, прошу прощения...

— Хватит, — говорит он, и я вздрагиваю. От этого он становится еще более хмурым. — Может, я не самый дружелюбный из всех, — начинает он. — Но, в то же время, я не бессердечная сволочь. Ты сделала то, что должна была сделать. Не нужно передо мной извиняться, — Эмвор прерывается, затем продолжает. — И, несмотря на это, я не могу тебя оставить. Мне нужна па...

— Пара, я знаю.

— Кто-нибудь еще, определенно, захочет невесту, — тон его голоса грубоват, но добр. Встретив мой взгляд, он смотрит мне прямо в глаза твердым взглядом. — Я не отправлю тебя обратно. Тебе вовсе не нужно бояться.

— Я не боюсь, — блефую я.

— Нет? Должно быть, это я плакал прошлой ночью, — произносит он мягким голосом с ноткой упрека и откусывает еще один кусок завтрака.

Он что, слышал это? Замечательно. Теперь он и правда подумает, что я размазня.

— Я в порядке. Просто я сейчас слишком впечатлительная. Это из-за гормонов, которые я недавно принимала.

— Гормоны? — спрашивает он, засунув еще один кусок завтрака в рот. Что ж, могу про него сказать одно — у него здоровый аппетит, и ему нравится то, что я готовлю. Ну, по крайней мере, от этого мне полегчало на душе.

— Да, гормоны. Чтобы я могла забеременеть.

Он замирает посреди пережевывания. Окинув стремительным взглядом мое тело, он внезапно заливается румянцем, и его щеки становятся практически фиолетовыми.

— А, ну да, — проговаривает он сдавленным голосом и, засунув последний кусок в рот, встает из-за стола и направляется к выходу.

Я с любопытством наблюдаю, как он уходит. Весьма интереснейшая реакция. Меня интересует, неужели он девственник? Это место очень отдаленное, и именно поэтому оно идеально подходит в качестве укрытия. Но Эмвор не может испытывать ко мне влечение, ... разве это возможно? Может, все из-за того, что я единственная женщина в округе? Я так остро чувствую свою вину. Он очень одинок, а своим появлением и обманом я растоптала его мечты о невесте.

Ну, не удивительно, что он меня ненавидит. Мне еще повезло, что он терпит мое присутствие. Проводя его глазами, я чувствую к нему прилив благодарности. Я знаю, что он расстроен, и должна найти способ загладить свою вину перед ним. Может, я и не та сильная, рослая жена, которую он хочет, но, по крайней мере, у меня есть кое-какие навыки. Раз я не могу быть той, в которой он нуждается, я хотя бы могу постараться быть отличной незваной гостьей до тех пор, пока он от меня не избавится.

Я постукиваю по кухонному, встроенному в стойку планшету и изучаю перечень пищевых продуктов, пытаюсь обдумать, что его наверняка обрадует. Когда я этим утром проснулась, заметила, что целый ряд свежих булочек, которые я испекла, и почти все печенье исчезли. Это значит, что он любит выпечку. Просто идеально, потому что я обожаю заниматься выпечкой. Я достаю список традиционных рецептов месакка и приступаю к работе.

Глава 6

НИКОЛЬ

Почти весь день Эмвор пропадает вне дома, лишь время от времени заходит, чтобы выпить стакан свежей воды и по-быстрому перекусить. Я замечаю, что он умыкает оставшиеся печенье, и это делает меня счастливой. Между выпеканием я убираю его дом сверху донизу, раскладывая его вещи и со всего сметая пыль. Он не грязнуля, да и дом не свинарник, но совершенно очевидно, что Эмвор не особо увлекался идеей сделать из него настоящий и уютный дом, а не просто место, где переночевать. По углам гостиной накоплены вещи, вперемишку сваленные в кучу, и это заставляет ее казаться более загроможденной, чем есть на самом деле, так что я размещаю их на полках и убираю в шкафы. В спальне я нахожу перекинутую через кресло старую рубашку, которую нужно

починить, поэтому я делаю и это. Все это время из духовки систематически появляются испеченные вкусности.

Однако пребывание здесь очень интересное. Дом Леандры был полон слуг-роботов, вечно повсюду ползающих, старающиеся содержать ее огромный особняк в чистоте и опрятности. Здесь нет таких роботов, и я знаю, что это не потому, что он не может их себе позволить. Наверное, он их терпеть не может. Я его не осуждаю; с их мертвыми глазами я сама всегда находила их слишком жуткими. Мне больше нравится делать всю работу самой. Это помогает поддерживать мои навыки на уровне и, как ни странно, напоминает мне жизнь на Земле.

Пока убираюсь в доме, я обнаруживаю среди вещей наполовину погребенную коробку, полную декоративных маленьких палочек. Каждая из них покрыта маркировкой и искусно окрашена. Я знаю, что это такое, — Леандра была большой поклонницей месаккской игры «палочки» и научила меня в нее играть. Интересно, хотел бы Эмвор сыграть со мной? Я откладываю ее отдельно, чтобы спросить у него.

К тому времени, когда на плите на медленном огне кипит ужин, а на полу аккуратно расставлены коврики, которые я нашла среди прочего в одном из шкафов, я устала от дневных забот, однако дом выглядит безупречным и очаровательно уютным. *«Я могла бы быть здесь счастливой»*, — думаю я тоскливо. Этот дом довольно тесноват, но уютен.

Вряд ли я смогу здесь остаться, и в этом я сама виновата. Я даже злиться на могу на Эмвора за то, что чувствую себя обманутой. Эта была та еще дьявольская ложь. Необходимая, но все равно ложь. Я размышляю об этом, в то время как в спальне по-быстрому умываюсь.

Едва я через голову натянула свежую тунику, когда кто-то стучит в парадную дверь, и эта непосредственная близость вызывает тревогу. От неожиданности у меня все внутри сжимается, и я запускаю пальцы в волосы и зачесываю их назад. Это не может быть Эмвор. Это его дом — нет нужды стучаться. Должно быть, кто-то из его соседей. Я с трудом сглатываю, в нерешительности стоя прямо за дверным проемом в спальню. Не знаю, что мне теперь делать. Он сказал, что представит меня другим, населяющим эту планету, но я не совсем понимаю, каким образом ему захочется объявить им о моей человечности... или как они это воспримут.

Если только я не ошиблась в Эмворе, и он не вызвал власти по мою душу.

У меня пересыхает во рту. Моя дрожь возвращается, и меня трясет настолько сильно, что практически слышу, как у меня в мозгу гремит стук зубов. Я украдкой бросаю взгляд в сторону входа, и в окне, что рядом с дверью, видна большая синяя фигура, выжидающая на крыльце.

«О, Боже. Что делать? А вдруг это враг? А вдруг...»

— Санджурел, — я слышу, как зовет Эмвор, возможно, немножко громковато, чтобы быть случайностью. — Что ты здесь делаешь?

Как только слышу, что открывается входная дверь, я прячусь, вжимаясь спиной в стену спальни. Мое сердце колотится так сильно, что я почти уверена, что они могут его услышать, находясь в соседней комнате.

— Решил заскочить и спросить, ожидать ли твоего появления на нашем маленьком мероприятии, — тон голоса незнакомца дружелюбный, даже слишком дружелюбный. — И, кроме того, еще я хотел узнать, не приведешь ли ты с собой свою гостью. Подумал,

может, загляну и познакомлюсь. Ты ведь понимаешь, это такая редкость, когда в наших краях кто-то заявляется.

Эмвор испускает стон, и я с извращенным удовлетворением отмечаю, что этот незнакомец такого же невысокого роста — если не короче — по отношению к Эмвору.

— Я буду на этом мероприятии.

— Чудесненько! А что насчет твоей подружки?

— Ей решать, — решительно заявляет Эмвор, явно пытаясь закончить беседу.

— А она здесь? Познакомишь нас?

Я прикусываю губу настолько сильно, что от этого меня пронзает острой болью. Я в ужасе от мысли о том, что меня толкают прямо перед тем, кто заявился специально, чтобы поглазеть на меня. Неужели он знает, кто я такая? Неужели там, в космодроме, кто-то раскусил мою маскировку? У меня начинает кружиться голова, и тут я осознаю, что перестала дышать.

— Она уже спит, — отвечает ему Эмвор тем же решительным «ты-меня-достал» тоном. — Сможешь познакомиться с ней на том празднике.

— А-а, — незнакомец, медля, топчется на месте. — Пожалуй, я могу здесь еще чуток задержаться. Тебе не нужна помощь с работой по хозяйству, раз уж я здесь? Буду рад помочь.

— Не-а.

— Уверен? Я в курсе, что ты большой противник роботов. Мне совсем не трудно...

— Я же сказал нет, — секунду спустя я слышу скрип открывающейся входной двери. — Увидимся на празднике. Прихвачу с собой чего-нибудь съедобное.

— Ну, тогда до встречи, — говорит мужчина, и его голос становится все тише и тише, как будто он уезжает. В его голосе не проскальзывает ни малейшего намека на разочарование. Я слышу, как он пытается добавить еще что-то, однако дверь захлопывается, и все вокруг погружается в тишину.

Эмвор испускает стон, как будто он рад наступившей тишине.

Я стою в спальне в полной нерешительности, не зная, что мне дальше делать. Он наверняка знает, что я здесь. В этом уютном маленьком домике не так много мест, где можно спрятаться. Но он молчит, и это заставляет меня нервничать все сильнее. В конце концов, я набираюсь смелости и осторожно из-за дверного проема оглядываю кухню.

Эмвор стоит, прислонившись к столу, и со спокойным выражением лица съедает одно из свежее испеченных печенек. Он окидывает меня взглядом с головы до ног и вскидывает подбородок.

— Он уже уехал.

Я медленно выхожу, не совсем понимая, что и думать.

— Твой сосед?

Он фыркает и качает головой.

— Живет в паре ферм отсюда, но он — тот, кто обожает совать свой нос в дела всех и каждого, — какое-то мгновение он изучает меня, а затем, оттолкнувшись от стола, направляется ко мне. — Ты вся дрожишь.

— Да? — я прижимаю руки к своей груди. — Уверяю, все нормально.

После моего ответа Эмвор, нахмурившись, смотрит на меня, а потом кладет руку мне на плечо, скользнув ею по спине вниз, пока ведет меня вперед.

— Иди сюда, сядь в кресло. Мне не нравится видеть тебя такой.

— Я в порядке, правда. Немного переволновалась, вот и все, — но я позволяю ему привести себя к креслу, и когда он продолжает нависать надо мной после того, как усаживаюсь, я заверяю его улыбкой. — Ты ведь не думаешь, что он охотиться за мной, потому что узнал, что я человек?

Он мотает головой.

— Он обожает сплетни, но совершенно безобиден. Он не станет продавать тебя за вознаграждение, если это то, что тебя интересует.

Это как раз и есть именно то, что меня интересует. Сцепив руки на коленях, чтобы скрыть их дрожь, я поднимаю на него взгляд, полный облегчения.

— Наверное, это то, к чему я должна привыкнуть, раз уж на том мероприятии я должна подыскивать себе нового мужа.

— Ммм, — Эмвор отворачивается от меня и, подойдя прямо к тарелке с печеньем, хватает еще одно. Мне показалось, что он сам собирается его съесть, но к моему удивлению, он предлагает его мне. — Съешь чего-нибудь. Это успокоит твои нервы.

Я беру печенье и откусываю его, а Эмвор не может удержаться и хватает себе другое. Мои мысли возвращаются к мужчине, который недавно был здесь. Эмвор говорит, что он безвреден. Я должна доверять его суждению.

— Так кто же он? Этот мужчина?

— Его зовут Санджурел. Старый вдовец из долины. С тех пор, как умерла его жена, он предпочитает занимать себя, будучи в курсе дел всех остальных, — он пожимает плечами.

— Вдовец, да? Может быть, ему пригодится новая невеста и он будет не против, что она не достаточно сильная, к тому же страшная уродина, — меня пробирает нервный смех, но Эмвор ко мне не присоединяется. Он сжимает челюсти, и у меня складывается впечатление, что я сказала что-то не то.

— Ты не уродина, — заявляет он мгновение спустя. — Ты просто человек. Но это еще не значит, что в твоей внешности есть какие-то недостатки.

Звучит так, будто он повторяет мои слова, и это мило с его стороны.

— Надеюсь, что так. А на вашей планете много вдовцов? Ну, много одиноких мужчин?

Прищурив глаза, он с хмурым видом отряхивает крошки со своей туники.

— А что?

«А что?» Разве не ясно?

— Эээ..., потому что мне придется выйти за кого-то замуж, не забыл?

Эмвор ничего на это не говорит. Он просто уходит, качая головой.

— Мне нужно помыться перед обедом.

Я остаюсь в гостиной одна, удивляясь, почему он столь болезненно реагирует из-за чего-то подобного. Разве он не хочет, чтобы я отвязалась от него и перестала докучать? Ну, раз это так, разве мне не следует спрашивать о местных жителях? Узнать, кому, возможно, нужна жена? Кто не будет возражать против человека? Почему он ведет себя так, словно он оскорблен?

Я вздыхаю про себя и равнодушно откусываю печенье. Возможно, Эмвор считает, что я чересчур назойлива. Он сказал, что возьмет меня с собой на праздник. Там я с кем-нибудь познакомлюсь, а до тех пор я не буду из-за этого переживать. У меня есть несколько дней на отдых, прежде чем мне придется беспокоиться об охоте на мужа.

Эмвор говорит, что здесь я в безопасности. Пожалуй, не стоит напрашиваться на неприятности, пока не прижмет.

Глава 7

НИКОЛЬ

Несмотря на теплый день, ночь на удивление холодная, и я так рада, что после ужина Эмвор подходит к плите и разводит огонь.

— Ты слишком хрупкая, чтобы переносить холод, — заявляет он мне, и тогда я уже не в таком восторге от разведенного огня.

— Люди, как ни странно, обладают удивительной выносливостью, — мне не остается ничего, кроме как парировать в ответ. — Будь мы такие слабые и хрупкие, как ты говоришь, никто бы не стал нас похищать. От ужаса мы бы попадали замертво в то самое мгновение, когда увидели б ваши инопланетные лица.

Я вознаграждена невольным, весьма хриплым смешком, и это ломает напряжение между нами.

— Ты играешь в «палочки»? — спрашиваю я через мгновение. — Я нашла набор, когда расставляла вещи.

Эмвор удивленно смотрит на меня.

— Ты что, играешь?

Неужели это удовольствие, что я слышу в его голосе? Я киваю головой, стараясь не показаться слишком нетерпеливой.

— Леандра научила меня. Она обожала играть. Большинство ночей мы часами только и делали, что подбрасывали палочки туда-сюда. Она могла в каждом раунде меня обыграть, но меня это никогда не останавливало.

Медленная улыбка растягивает его губы, и кажется, что из-за этого все его лицо морщится. Мое сердце замирает.

— Я и сам когда-то неплохо играл, — бормочет он. — Правда, не играл с тех пор, как был солдатом.

— Тогда я дам тебе поблажку, — поддразниваю я, вставая на ноги.

— Прямо сейчас? Ну давай! — он кажется веселым, и мое сердце опять замирает.

Я достаю коробку с палочками, в то время как он пододвигает стол к огню и волочит свое сиденье из поленьев напротив единственного кресла, которое он предлагает мне. Я удивлена этим маленьким жестом и задаюсь вопросом, понимает ли он, что это вообще-то истинно рыцарский, явно человеческий поступок. Нет, скорее всего, нет, но я все равно довольна этим. Я радостно ему улыбаюсь, и, как только он начинает по-настоящему улыбаться мне в ответ, я аж на седьмом небе от счастья. Такое ощущение, что мы становимся друзьями, и я в восторге от этого. У меня не было настоящих друзей с тех пор, как умерла Леандра.

Я была так одинока.

А здесь, у огня, рядом с Эмвором, я не чувствую себя такой одинокой, такой брошенной на произвол судьбы и окончательно потерявшейся во Вселенной. Такой до ужаса напуганной. Кажется, будто у меня появился друг, и это самое замечательное чувство в мире. Это дает моей душе почувствовать себя избавленной от печалей и свободной, и мое сердце наполняется радостью.

Правда, ему я этого сказать не могу. Он из вспыльчивых, и ему не понравится, если я примусь изливать ему свою душу, в то время как он пытается свести меня с одним из его соседей. Поэтому я просто одариваю его своей самой эффектной дерзкой улыбкой и снимаю крышку с игры.

— Надеюсь, тебе понравится петь петухом.

Он окидывает меня заинтересованным взглядом, излучающим радость. — Что за херня этот «петух»?

— Увидишь, — поддразниваю я ликующе.

ЭМБОР

У Николь острый ум. Я немного удивлен, насколько она хороший игрок в «палочки». Это игра требует применения стратегий и стремительной сообразительности, к тому же никогда не бывает двух одинаковых игр. В прошлом я встречал нескольких, которые были никудышными игроками, а Николь заставляет меня прилагать усилия, чтобы пытаться выигрывать каждый раунд, и некоторые схватки длятся по несколько часов подряд, пока не решаются в самый последний момент, и мы оба остаемся запыхавшимися и хохочущими. Она выигрывает столько же партий, сколько и проигрывает, и ее смех наполняет тихий, холодный вечер.

Она даже заставляет меня разок-другой взрываться от смеха. И мне это нравится. Этим вечером этот дом не похож на место лишь для ночлега. Он похож на настоящий дом. Такое удивительное, приятное ощущение, и я знаю, что виновница в этом именно она. С тех пор, как приехала, она только и делает, что готовит и печет, словно робот, загруженный до максимальных оборотов, но когда я ее за это упрекаю, она отвечает, что просто очень любит готовить и заниматься уборкой. Она не чувствует себя обязанной, ей всего лишь нравится заниматься делами. Так день проходит быстрее.

Понимаю, каково это. Это одна из причин, по которой я занялся сельским хозяйством, когда вышел в отставку. Я поймал себя на том, что у меня масса свободного времени, а делать нечего, поэтому в течение сезона я помогал старому другу семьи на его ферме и нашел, что мне нравится это занятие. Оно суровое и грязное, а порой и неумолимое, но оно не дает влезать в твою голову плохим воспоминаниям. Мне оно нравится, и мне доставляет огромное удовольствие видеть высокие поля, устланные пшеницей, при этом осознавая, что все это вырастил я сам и это прокормит меня и мое поголовье в течение всей долгой зимы на Кассе. Занятые руки способны отвлекать рассудок от тревог и не дать свихнуться.

Ну и, разумеется, потом меня начинает беспокоить, что Николь настолько нервничает, что ей все время приходится себя отвлекать. Мне кажется, что я, как ни странно, становлюсь ее защитником, только сдается мне, что вряд ли это правильно. Все, о чем я могу думать, это то, что на крыльце моего дома появился Санджурел, обожающий везде совать свой нос и жаждущий на нее взглянуть, и о том собственническом гневе, который меня переполнил. Настоятельный призыв защитить ее от него, спрятать от его назойливых глазенок, было запредельным. А впоследствии, когда я увидел, как сильно ее трясет, мне пришлось сопротивляться желанию схватить ее и прижать к своей груди.

«Может быть, ему пригодится новая невеста».

Ее слова, высказанные ранее, до сих пор горят в глубинах моей души. Она не ошибается в том, что Санджурелу, наверное, не помешала бы новая жена. Но сама мысль о том, что молоденькая, веселая, счастливая Николь вместе с этим старым, всюду сующим свой нос, месаккой? Почему-то меня все это злит. Я представляю, как он наполняет ее чрево младенцем, и мне хочется пробить кулаком стол, что между нами.

И в этом-то и проблема. Меня не должно волновать, подходит ли ей Санджурел. Я знаю, что мужчина-то он весьма неплохой и будет заботиться о ее безопасности. Просто... мне отвратительна даже мысль о Николь в его постели. Николь с ее приятными для глаз, пшенично-золотыми волосами и маленькими углублениями в щеках, которые появляются, когда она широко улыбается.

Меня бесит сама мысль об этом.

Николь чувственно зевает и поплотнее натягивает одно из одеял вокруг своих плеч. Когда она бросает свою последнюю подачу, при дыхании она выпускает перед лицом клубы пара, и я понимаю, что, пока мы играли, я дал огню погаснуть. Готов поспорить, что в доме почти так же холодно, как на улице. Вот тебе и ее защитник. Похоже, забота о других у меня получается просто ужасно.

— Замерзла? — спрашиваю я более жестким голосом, чем хотел.

Похоже, ее удивил мой вопрос — а может его резкость — и она трясет головой, хотя при этом натягивает одеяло и плотнее в него заворачивается.

— Все нормально.

Но это далеко не так. Однако вместо того, чтобы с ней спорить, я лишь заявляю:

— Уже поздно, да и огонь погас, так что нам лучше отправляться спать.

Кивая головой, она снова зевает, затем встает на ноги.

— Могу я... оставить себе это одеяло? — она смотрит на меня усталыми глазами. — То, что на постели совсем тонкое.

Мне даже не приходило в голову застаться дополнительными одеялами. У меня всего одно, тонкое, для каждодневного использования, и то, которое у нее сейчас накинуто на плечи, для более холодных ночей, таких, как сегодняшняя.

— Да, конечно, — благодаря этому мне придется спать без ничего, но я не против. Мне проходило спать в условиях похуже.

Улыбка, которой она меня одаривает, выражает благодарность, и Николь направляется в спальню. Я кладу огромное полено в топку печи, чтобы оно понемногу нагревало, и тепло хватало на всю ночь, после чего стою, в раздумьях уставившись в пол. Прошлой ночью на улице было не так уж и плохо, однако этой ночью будет слишком холодно. Спать в эту ночь без одеяла, не имея под собой никаких удобств, не очень-то привлекает. Я направляюсь в сторону кресла и, сев, потираю рукою лицо. Ничего страшного. Эту ночь могу переночевать и здесь. Совсем скоро человек уедет.

Но, как ни странно, от этой мысли я не чувствую никакого облегчения. Вместо этого меня гложет что-то вроде гнева на самого себя и отчаяние. И чувствую я себя ужасно одиноким. Ну почему она не могла быть месаккой? *«Да ладно тебе. Мне вообще-то плевать, что у нее такой странный, бледный оттенок кожи и плоское лицо. Мне многое в ней нравится, вроде цвета ее волос и этих маленьких вмятин в ее щеках. Я нахожу ее привлекательной».*

Ну почему она не могла быть более сильной? Неважно, насколько очаровательной я ее нахожу, мне нужен хренов партнер, способный помочь в делах на моей ферме. Не

думаю, что хрупкой Николь по силам втащить меня в дом, если я снова свалюсь с крыши хлева.

Она мне совершенно не подходит.

Тем не менее, это еще не значит, что меня не терзает желание от одной мысли о том, чтобы к ней прикоснуться. Но Николь мне не принадлежит, чтобы я мог к ней прикасаться. Нет, если я не намерен оставить ее себе.

Долгое время я смотрю на угли в очаге.

В конечном счете, я слышу какое-то постукивание, которое привлекает мое внимание. Оно доносится из спальни, и когда, встав на ноги, я иду в том направлении, до меня доходит, что это. Даже с другого конца дома я слышу, как стучат ее зубы.

— Николь? — спрашиваю я, направляясь в спальню, словно притянутый за поводок. Мне не стоит туда идти. Мне стоит просто поддерживать огонь и не обращать внимания на то, что она замерзла, и дать теплу, которое рано или поздно нагреется от пламени, обо всем позаботится. Но... я этого не делаю. Я иду в спальню, пытаюсь разглядеть сквозь тьму маленькую, сжавшуюся под обоими одеялами в комочек ее фигурку. — С тобой все в порядке?

— Я в п... п... п... порядке, — отвечает она, стуча зубами. — П... просто чуть холоднее, чем я... я п... прив... выкла.

«Поддерживай огонь, идиот, — убеждаю я себя. — Иди, подбрось-ка туда еще парочку поленьев и нагрей дом до удушающей жары. Тебе не стоит к ней прикасаться».

Однако я не прислушиваюсь к этому голосу. Стянув с себя тунику, скинув сапоги и оставшись лишь в трусах, я забираюсь в постель.

— Подвинься.

Николь в моей постели вскидывается и резко садится, а ее растрепанные волосы при этом буйно взметнулись вокруг ее головы.

— Что...

— Ночь холодная, а одеял у меня больше нет, — объясняю я, забравшись в постель к ней. Рядом со мной она кажется такой крошечной, тем не менее, вполне подходящей. Я совсем не удивлен увидеть, что девушка все еще одета в несколько слоев одежды с прошлого вечера. — Будем делиться теплом тела.

— Мы? — голос у Николь дрожит от удивления — а может от стука зубов.

— Да, мы, — заявляю я твердо. Все уже решено. — И ничего больше.

— Ооо!

Из этого одного слога я не никак могу определить, разочарована она или нет. Но, устроившись обратно в постели, спиной ко мне, она больше ничего не говорит. Ее стройное тело дрожит от холода, поэтому я обнимаю ее за талию и притягиваю обратно к себе. Она напрягается, но через мгновение расслабляется и прижимается ко мне. В поисках моего тепла между моими голеньями проталкиваются холодные ступни, а сама она пододвигаться еще плотнее. Теперь, когда ее дрожь прекратилась, я расслабляюсь и пытаюсь уснуть.

«Уснуть. Ага, очень смешно!»

Я остро ощущаю ее стройное тело своим, то, как она мне подходит и просто идеально ко мне прижимается. Ее волосы щекочут мой подбородок и пахнут они чистотой и свежестью. Кожей мы с ней не соприкасаемся, но моя рука до сих пор на ее талии, и я чувствую каждый ее вдох, как бешено колотится ее сердце.

Колотится? Она, что нервничает? Возбуждена?

У меня во рту пересыхает.

Было бы не трудно перевернуть ее, приласкать щеки, а потом задрать ее тунику. Обнажить эти ее обворожительно колыхающейся груди и всю эту бледную кожу. Коснуться между ее бедер и толкнуться членом в ее влагище. Наполнить ее моим семенем и подарить моего ребенка, в точности так, как я себе это представлял...

Только тут все другое, начиная с того, что она — человек. Если я сделаю ее своей, это не решит ни одну из моих проблем. Вместо того, чтобы заполучить помощника и пару, у меня тут появился еще один ротик, который мне придется кормить. Я сдерживаю проклятие, которое так и норовит вырваться из моего горла, потому что больше всего на свете я хочу уткнуться лицом в ее мягкую шею и вдохнуть ее аромат, овладеть ее телом. Сделать своей.

Но я не могу. Было бы неправильно взять ее, а несколько дней спустя передать ее кому-то другому. Может, я и гребаный черствый ублюдок, но так поступить с ней я не могу. Это несправедливо.

Так что я остаюсь совершенно неподвижным, прижимая ее к себе достаточно близко, чтобы делиться своим теплом, но не более того. В конце концов, ее колотящееся сердце замедляется, и дыхание становится легким и ровным. Она засыпает в моих объятиях, в тепле и окружена заботой.

И вновь мне хочется, чтобы она была сильнее, потому что тогда я мог бы сделать ее своей.

Глава 8

ЭМБОР

Дни проходят, и все труднее становится закрывать глаза на ее присутствие. Николь вошла в мою жизнь, словно взрыв солнечного света, и ее улыбка греет мне душу всякий раз, когда вижу ее. Оказывается, милая маленькая вмятина в ее щеках называется ямочкой, и я живу ради их появления. Ничто не радует меня сильнее, чем видеть, как Николь широко улыбается и покрывается ямочками. В последнее время она очень много улыбается, и большинство ее улыбок направлены на меня.

У меня сердце сжимается от боли и отчаяния.

По правде говоря, я люблю ее компанию. Она умная, веселая и всегда занята. Она говорит мне, что не любит сидеть сложа руки, и как-то раз, когда идет настолько сильный дождь, что на полях делать нечего, только ждать, пока непогода пройдет, она печет маленькие твердые печеньки и называет их «домино», а затем учит меня ими играть в человеческую игру. Мы играем весь день, пока я не съедаю слишком много печенек, чтобы игра была честной, после этого мы проводим вечер у огня, обсуждаем стратегии игры на палочках, моего злобного быка, или даже то время, которое я провел в войнах. С ней удивительно легко разговаривать, и вот тут я вдруг понимаю, что рассказываю ей, наверное, больше, чем должен.

Николь рассказывает мне о своей жизни в роли «домашнего животного». Так она ее называет. По правде говоря, она была не совсем рабыней, потому что леди Леандра, ее старая хозяйка, достаточно хорошо с ней обращалась. Но в то же время ее не считали разумной. Леандра научит ее кое-чему, к примеру, «палочкам»... а потом — отшлепает ее

хорошенько, если посчитает, что ее человек плохо себя ведет. Отчасти я даже начинаю ненавидеть эту старую богатую стерву, даже несмотря на то, что она дорожила Николь настолько, чтобы беспокоиться о ее будущем и спланировать обман с моей невестой.

О, нет, это меня больше не злит. Просто я... расстроен. Крайне разочарован, что Николь практически идеальна, за исключением того, что она хрупкая, и боюсь, что жизнь здесь для нее будет слишком тяжелой.

Однако она любит жизнь на ферме. Любит животных, и я поймал, что она дает имена животным из моего поголовья, хотя это не самая лучшая идея. Я не хочу, чтобы она к ним привязалась, раз им суждено быть забытыми. Тогда она принимается давать имена мышам, живущим в хлеве, заявив мне, что они напоминают ей некое земное существо под названием «кот». В дни, когда погода хорошая, Николь занимается починкой одежды на улице, сидя под палящим солнцем, даже несмотря на то, что ее личико становится ярко-красным. И ей это нравится, заявляет она мне. Леди Леандра не пускала ее на улицу, потому что боялась, что Николь сбежит. Николь шутит, что она не та «кошка», что сидит взаперти, но я не нахожу это смешным. Я все время думаю о ее личике, обращенном к солнцу и наслаждающееся теплом, пока оно не окрасит ее кожу в розовый,... и бесчувственной леди Леандре, которая не выпускала ее для этого на улицу.

Не могу сказать, что во мне есть хоть капля теплых чувств к этой старой стерве.

Несмотря ни на что, дни, проведенные с Николь, непостижимо прекрасны. Она готовит, убирает и, в то время как занимается делами, напевает себе под нос. Я продолжаю говорить ей, чтобы она отдохала и была моей гостьей, но ей быстро становится скучно, и тогда она принимается печь для меня что-нибудь новенькое. От ее вкусных блюд я понемногу поправляюсь, и я обожаю наши игры в «палочки». Дни замечательные... но ночи мои любимые. Каждую ночь, чтобы делиться теплом и одеялами, мы ложимся в постель вместе. Я остаюсь в нижнем белье, а Николь одета в тунику, но она укладывается спать в моих объятиях, а я прижимаю ее к себе, и мы спим, погруженные в запахи друг друга. По крайней мере, спит она. Я в основном бодрствую, очарованный ощущением ее и нежным запахом ее кожи.

И я представляю, каково было бы, если бы она лежала подо мной абсолютно голой.

День грандиозного мероприятия рассветает ясным, а небо безупречно синее.

И это бесит меня. Меня бесит сама мысль о поездке на то сборище, бесит даже больше, чем обычно. Меня бесит сама мысль о том, чтобы привести туда Николь, чтобы все они пялились на нее, а затем пытаться найти ей хорошего мужа, который не будет относиться к ней так, как леди Леандра. Ей нужен кто-то добрый, но умный. Кто-то, кто будет любить ее так, как она того заслуживает. Только не Санджурел, потому что он любил свою жену, а Николь заслуживает того, чтобы быть первой в чем-то сердце.

Тем более, от одной мысли о том, что он к ней прикасается, мне так и хочется пообломать Санджурелу руки.

НИКОЛЬ

Наступает день большого мероприятия, и, когда этим утром я просыпаюсь, у меня текут слезы. После многих лет существования в качестве человеческого «домашнего

животного» я научилась не хотеть чего-либо, потому что будет только больнее, когда это у тебя отнимают.

Но... о Боже, как я хочу остаться. Я так отчаянно хочу остаться, что сейчас мне хочется вопить и реветь во весь голос. Хочу просыпаться каждый день, как этим утром, — в безопасных объятиях Эмвора, разделяя тепло его тела. Хочу остаться в этом уютном доме. Хочу остаться жить на этой прекрасной ферме, где небо для меня широко открыто и доступно, и я могу гулять по этой земле везде, где захочу, без риска, чтобы на меня пялились и избивали, как нашкодившую собачонку. Но больше всего на свете я хочу остаться с Эмвором. За то короткое время, что мы были вместе, я научилась жаждать его сдержанных улыбок, медленно растягивающих его губы. Жаждать того, как у него начинают блестеть глаза, когда он впервые пробует на вкус мои блюда, а затем, когда он думает, что я не замечаю, тайком подкрадывается, чтобы попробовать и во второй, и в третий раз. Этих искорок у него в глазах, когда мы играем в «палочки». Чувствовать его руку на моей талии, пока мы спим, словно даже тогда он защищает меня от внешнего мира.

Я так сильно хочу быть его женой... но я знаю, что этому не бывать. Он не передумал. Итак, сегодня мы отправляемся на праздник, и он попытается помочь мне найти кого-то, кто согласится взять в жены человека, при этом осознавая, что для остальных я буду олицетворять уродливое причудливое создание. Понимая, что все мои дети, которые у меня будут, будут наполовину людьми и не менее странными. Осознавая, что я «слишком слаба», чтобы помогать на ферме и что кто-то вроде меня будет считаться «контрабандным товаром» до конца своих дней. Эмвор, похоже, считает, что ни у кого здесь с этим проблем не будет. Возможно, он прав, но я все равно буду волноваться. В этот день меняется моя жизнь, а она никогда не была особенно стабильной. Я всегда завишу от чей-то доброй воли.

Так что я выбираюсь из постели и, окинув взглядом окружающую меня уютную маленькую комнату, сдерживаю вздох печали. Эмвор встает, такой же молчаливый, как и я, и направляется на выход, чтобы приступить к утренней работе по хозяйству. Наверное, это разумно. Он говорил, что большинство этих встреч — это мероприятия, продолжающиеся в течение всего дня, и мы должны выехать сразу после завтрака. Это будет путешествием в аэросанях, на дорогу которого уйдет приблизительно один час или около того, а потом — целый день праздного времяпрепровождения в общении и угощениях. На мой взгляд, это что-то похожее на старый добрый человеческий пикник. Эмвор говорит, что обычно он их избегает, но на этот раз, видимо, у него нет выбора, не тогда, когда он хочет от меня избавиться. Я сама никогда не была чрезвычайно социальным созданием. Пожалуй, когда-то давно и была, но после десяти с лишним лет, проведенных в шоу уродцев, ничто я так не хочу, как проводить тихий, спокойный вечер дома. В этом мы с Эмвором идеально подходим друг другу. Я наблюдаю, как он уходит, проходя мимо целой горы выпечки, которую я испекла вчера, готовясь к сегодняшнему дню. Обычно он то тут, то там пытается стащить чего-нибудь попробовать на вкус. Сегодня он совсем не обращает на мою выпечку внимания, и это разбивает мне сердце.

Думаю, мне лучше собираться.

После быстрого умывания я аккуратно укладываю волосы, поскольку знаю, что это — одно из моих главных достоинств. Я взбиваю их в крупные, воздушные волны, которые ниспадают на мои плечи, и заколками закрепляю их на висках. Нет смысла прятаться за

волосами — все скоро увидят мое очень даже человеческое лицо. У меня есть изысканная туника с замысловатыми рукавами, на которой настояла Леандра, чтобы я приняла ее как свой свадебный наряд, но до этого момента я ее не вынимала. Я надеваю ее на повседневные штаны, а затем провожу следующие полчаса, трясущимися руками зашнуровывая, завязывая и собирая складки хрупких рукавов. Когда я готова, наношу на губы немного блеска, единственное косметическое средство, которым пользуются месакка женщины, после чего смотрю на свое отражение в зеркале. Я выгляжу, как маленькая зверюшка Леандры, и эта мысль наводит тоску. Я мечтала, что после того, как приеду сюда, стану другим человеком, что смогу начать новую жизнь. Что стану настоящей личностью, а не просто игрушкой.

Однако, похоже, что я качусь в обратном направлении. Какие успехи я бы ни достигла, какой новой личностью я бы ни стала с тех пор, как сошла с того космического корабля, в мгновение ока я опять, как и раньше, становлюсь оставленной в прошлом ручным зверьком Леандры.

«Я должна быть благодарна», — напоминаю я себе. Большинству рабов не дано право выбора. Большинство просто захватываются во время устроенных властями облав и отчуждаются, и в итоге они оказываются в захудалых космодромах, где работают, лежа на спине. Мне повезло.

— Повезло, — напоминаю я себе, когда, надев обувь, направляюсь в гостиную, чтобы собрать еду, которую мы забираем с собой. Тут до меня доходит, что мне наверняка надо упаковать и свои вещи, и снова из моих глаз грозят вот-вот покатиться слезы.

Глава 9

ЭМБОР

Я кормлю животных, пытаюсь выключить мои мысли о том, что должно произойти сегодня. Мы поедем на праздник, будем общаться с моими соседями, и я сделаю все возможное, чтобы самому найти мужа для Николь. На этой планете много одиноких мужчин, так как фермерство уж точно не привлекает женщин сюда, на отдаленную Кассу. Я могу вспомнить, как минимум, пять фермеров по соседству, у которых нет жен и которые могут быть заинтересованы..., но ни один из них не кажется подходящим для Николь.

Итак, есть Хусери, но он не любит купаться и, как правило, от него сильно несет. В этом ничего страшного, если на своей ферме живешь один, но я представляю себе лежащую под ним изысканную Николь, и меня аж тошнит от этого. Она не для него.

Тут есть Четах, у которого очень крупная ферма, но в то же время он ужасно скуп. Николь заслуживает кого-то, кто будет ее баловать и позволит ей делать то, что ей нравится, особенно учитывая ту жизнь, которой она жила. Четах одевал бы ее в лохмотьях и возненавидел бы ее выпечку, потому что это израсходовало бы его запасы продуктов. Нет, он не тот, кто ей нужен.

Есть Санджурел, но он уже старый и до сих пор скучает по своей жене. Нет, он не подходит.

Еще есть Аманаст, но... мне не нравится его лицо. И у него странный смех, такое впечатление, будто он рыгает, а не смеется. Нет какой-то конкретной причины, чтобы он не нравился, просто не нравится и все.

Мысленно я разбираю всех оставшихся холостяков, живущих рядом, и не могу найти ни одного, подходящего для нее. Слишком короткий, слишком высокий, слишком старый, слишком молодой, слишком богатый, слишком бедный, слишком упрямый, слишком грубый. Нет никого, кто поистине подходил бы кому-то настолько замечательному, как Николь. Но я должен кого-нибудь для нее найти. Она не вернется в космос и не будет переживать о своем будущем. Хочу, чтобы она чувствовала себя в безопасности.

Не в силах больше тянуть время, я возвращаюсь в дом. Сегодня это должно будет произойти, хочу я того или нет. Я приглаживаю свои вспотевшие волосы. Надо помыться, прежде чем мы уедем, потому что это будет долгий день, и я не хочу, чтобы Николь считала, что я воняю так же дурно, как Хусери. Она...

Любая мысль, пришедшая мне в голову, тут же умирает, а дыхание у меня словно прерывается.

Николь стоит в дверном проеме спальни, и от ее красоты у меня аж дух захватывает. Она одета в длинную тунику, сшитую в традиционном стиле нашей родной планеты, поверх штанов. Рукава — изощренно вычурные, выполненные почти в нелепом стиле, который сейчас так популярен и который я избегаю в своей собственной одежде, но на ней все это выглядит просто потрясающе. Сложность одежды лишь подчеркивает, насколько она хрупкая, а также, насколько она изысканная и красивая. Ткань темно — почти полуночной темноты — синяя, и это заставляет ее кожу выглядеть еще более люминесцентно светлой, а волосы — блестящими. Девушка улыбается мне, ее алый ротик блестит, а великолепные груди идеально очерчены плотно прилегающей материей.

— Как думаешь, эта одежда подойдет? — застенчиво спрашивает она меня. — Я не знаю местных жителей и не знаю, какие здесь правила ношения одежды, но это лучший наряд, который у меня есть.

Мне хочется сказать ей, чтобы она переделалась во что-то более простое. Не потому что другие будут возражать, а потому, что эта одежда вырисовывает контуры ее прекрасной, изящной фигуры и изящный изгиб ее лодыжек. И эти груди. Но Николь нервничает и волнуется, ее руки дрожат, в то время как она разглаживает подол, и последнее, чего я хочу, — сделать все еще хуже.

— Ты выглядишь прекрасно, — говорю я хриплым голосом.

И тогда я награжден ослаблением напряженности в ее плечах и разбивающим мне сердце появлением тех ямочек. Просто несправедливо, что она будет принадлежать кому-то другому.

Мы едем в аэросанях не больше десяти минут, как вдали я замечаю еще одни, направляющихся в нашу сторону. Сани могут проехать практически по любой местности, поэтому я знаю, что нет причин ехать рядом друг с другом, если только не ради любопытства или компании. Предполагаю, что мы вот-вот получим понемногу и того, и другого.

— Кто это? — спрашивает Николь, натягивая шаль на свои плечи и волосы. Я понимаю, что она пытается прикрыть свое лицо. Несомненно. Она боится, что кто-то может прийти за ней.

Я чувствую резкий всплеск защитной реакции по отношению к ней.

— Все будет хорошо, — я обещаю ей, сохраняя мой голос нежным. — Это всего лишь один из излишне пронырливых соседей.

— Ясно, — говорит она дрожащим голосом, и я замечаю, что она не опускает капюшон.

Мы молчим, когда сани приближаются, чтобы ехать бок о бок с нашими. Я не замедляю свою скорость, чтобы приветствовать этот визит. Незачем. С первого взгляда я узнаю, чьи это сани. У Аманаста самые блестящие аэросани по эту сторону галактики. Они яркие, непрактичного красного цвета, которые бросаются в глаза, как воспаленный большой палец, который так и просится почесать.

На ходу он выезжает параллельно с нами и в приветствии прикасается рукой к своим рогам.

— Эмвор! Санджурел сообщил, что ты приедешь на этот праздник, но я ему не поверил. Сказал, что нам никогда не удастся вытащить этого старого хрыча из его пещеры, если только они не станут раздавать больше земельных угодий, — улыбаясь настолько широко, что кажется видны все его зубы, он начинает смеяться своим рыгающим смешком. — Кстати, слышал, к тебе приехала гостья, вот и подумал, мол, поеду лично и познакомлюсь. Кто это с тобой?

Я бросаю взгляд на Николь и вижу, что она, опустив голову, тщательно прячется под капюшоном. Ее руки также спрятаны. Я оглядываюсь обратно на Аманаста и замечаю, что его взгляд сосредоточен на ее груди. Гребаный ублюдок. Ему не следует так похотливо пожирать ее глазами.

— Компания, — это все, что я говорю. Наверное, нужно сказать ему больше, сказать ему, что она в поисках мужа, но у меня не получается, слова застревают в горле.

— Как по мне, так эта компания смахивает на женскую, — заявляет Аманаст, и я прям чувствую, как Николь возле меня дрожит.

Мне следует их друг другу представить. Аманаст молод. Он при деньгах. Мне кажется, он бы неплохо заботился о жене. Не думаю, что его бы заботило, что она человек. Ему, скорее всего, понравилось бы то внимание, которое она к нему привлечет. Но тогда он издает еще один из этих его рыгающих смешков, и я представляю, что эта рыгающая физиономия крутится около Николь, рыгает рядом с ней, пока она спит. Рыгает на нее, взбираясь на нее...

Мои руки сжимаются на рычаге управления моих саней, и я принимаюсь скрежетать зубами. Мне хочется сказать ей, что все будет хорошо. Что знаю, что она напугана, но я защищу ее. Хотя, как я могу ей это сказать, если не намерен оставить ее себе? Имею ли я вообще право злиться при мысли о том, что кто-то прикоснется к ней, раз им никак не могу быть я?

Я протягиваю руку, чтобы похлопать ее по колену, а вместо этого Николь берет меня за руку и слегка сжимает ее.

Она успокаивает меня. Проклятье, она разбивает мое гребаное сердце.

Я снова оглядываюсь на Аманаста, на его открытое, излучающее желание лицо. Он был бы не так уж плох для нее, но нет,... я не откажусь от нее. Я не могу. Она уже у меня в крови. С первого раза, как увидел ее, я должен был догадаться, что оставляю ее себе. И неважно, что она недостаточно сильна и не подходит.

В конце концов, я же могу купить для фермы несколько треклятых роботов, а для своей очаровательной женушки найду занятие в своей постели.

Мысль кажется настолько правильной, что я смеюсь про себя. Даже не знаю, зачем я всю прошлую неделю боролся с этим, когда мог исследовать изгибы Николь. Видимо, я просто упрямый дурак.

— Ты не представишь меня? — наклонившись вперед, спрашивает Аманаст.

Я окидываю его пронзительным взглядом.

— Не-а.

И тогда я включаю заднюю передачу и поддаю мощности, уводя нас прочь от Аманаста и его блестящих саней, а так же его отвратительного смеха. Я еду задним ходом недолго, а затем разворачиваю сани и на высокой скорости направляюсь в сторону дома. Им остается только скучать по мне — скучать по *нам* — до очередного праздника. Никто из них не станет особо волноваться. Даже если это и не так, мне плевать.

— Что-то случилось? — немного погодя, спрашивает Николь, сжимая капюшон вокруг лица, поскольку вокруг нас свирепствуют порывы ветра.

Оглянувшись на нее, я смотрю в ее глаза, наполненные печалью, которые кажутся такими большими на ее маленьком лице.

— Я оставляю тебя себе, — когда это заявление встречает молчание, я начинаю замедлять сани, ну... на всякий случай, если она все-таки хочет, чтобы я отвез ее на праздник. — Конечно, если ты сама хочешь остаться...

Николь бросается обнимать меня за шею, и сани, тут же отклонившись в сторону, несутся по одному из моих полей. Меня это мало заботит, потому что все, о чем я могу думать, — это ее мягкое тело, прижимающееся ко мне, и то, как она снова и снова касается своим ротиком моей щеки и челюсти. Она испускает визг полного восторга и прижимается ко мне, словно я — лучшее, что с ней когда-либо случилось.

Неловко похлопывая ее по плечу, я пытаюсь выпрямить сани, прежде чем мы уничтожили весь урожай. Я не очень-то и уверен, что теперь, когда я сделал свое сенсационное заявление, мне следует сказать. Я откашливаюсь.

— Наверное, стоит отложить все дегустации лица до тех пор, пока мы не вернемся на ферму.

— Дегустации лица? — она начинает хихикать и проводит пальцами по моей щеке в том месте, где мгновение назад она приложилась губами. — Прости. Я совсем забыла, что месаккам не нравятся такие прикосновения. Законы гигиены, — она усаживается в санях возле меня, позволяя своему капюшону соскользнуть с волос. — Я не стану снова этого делать, если тебе это не нравится.

— Я этого не говорил, — уверяю я ее и чувствую, что от смущения у меня начинает гореть щеки. Очень даже нравится, честно говоря. — Я всего лишь сказал, что нам стоит отложить это до тех пор, пока я за рулем.

— Ооо! Ну, конечно, — она смотрит на меня робким взглядом. — Ты в этом уверен, Эмвор?

Должно быть, это первый раз, когда слышу, чтобы она обратилась ко мне по имени. Мне это нравится так же сильно, как мне нравятся дегустации ее лица.

— Конечно, уверен. Ты принадлежишь мне, и точка.

— И точка, — вторит она эхом, испуская вздох, в котором слышится счастье. — Я и не думала, что нравлюсь тебе.

— Ты мне очень даже нравишься, — признаюсь я ей, и я вознагражден еще одной широкой улыбкой. Мне нравится делать ей комплименты. Пожалуй, надо это почаще делать.

Глава 10

ЭМБОР

Кажется, что поездка домой занимает в три раза больше времени, чем требуется. Я чувствую Николь в кресле рядом со мной, ветер треплет ее волосы. Когда мы вернемся, захочет ли она быть моей во всех смыслах? Или ей потребуется больше времени, чтобы привыкнуть к мысли о том, чтобы лечь в постель — на самом деле и по-настоящему лечь в постель — с таким уродливым месаккой, как я? Мне на ум приходит мое травмированное колено, усеянное многочисленными шрамами, и я задаюсь вопросом, не будет ли оно ей мешать. Но она же, и глазом не моргнув, прижималась губами к моей щеке, а ведь она ужасно изуродованная.

Без разницы. У нас есть все время в мире для того, чтобы она привыкла и почувствовала себя со мной удобно. Я предоставлю ей столько времени, сколько ей нужно, и даже если потребуется один-два года на то, чтобы она в постели дотронулась до меня иначе, чем просто делиться теплом, это не имеет значения. Само ее присутствие уже достаточно. В эту короткую неделю, проведенную с ней на моей ферме, я испытал больше счастья, чем за последние десять лет. Если ей нужно время, я дам ей это время.

Я паркую сани с излишней поспешностью, а потом помогаю Николь спуститься вниз, в основном просто для того, чтобы у меня был повод снова взять ее за руку. Ее пальцы на моей коже теплые, и от одного этого легкого прикосновения мой член уже начинает ныть, как это бывает, когда мы вместе лежим под одеялом. И точно так же как и теми ночами, я начинаю покрываться потом.

Она... она и правда станет моей.

«Спокойно, — напоминаю я себе. — Ей нужен мужчина, который будет с ней терпелив. Она и так вся изнервничалась».

Правда, в данный момент она явно не выглядит такой уж нервной. Она лучезарно улыбается, вне себя от счастья и смотрит на мой маленький дом, словно это самое лучшее из того, что ей доводилось видеть. И вдруг она оборачивается и смотрит на меня точно таким же взглядом.

От одного этого взгляда я чуть было не кончаю в штаны. Я отпускаю ее руку, чтобы этого не сделать, и заталкиваю внутрь поглубже.

— Заходи в дом и располагайся, — велю я ей. — Я возьму еду и уберу ее обратно.

— Ты точно не против, что мы не поедем на праздник? — спрашивает Николь тихим голосом. Она стоит на пороге, оборачивая шаль вокруг своих плеч, словно готова смыться в мгновение ока. — Я не хочу, чтобы ты переживал, что не можешь из-за меня общаться с другими.

Я не могу сдержать фырканье, которое вырывается из меня, так что я протягиваю руки в заднюю часть саней и вытаскиваю груды восхитительной выпечки, от которой аж слюнки текут и которые она испекла для моих соседей. Что ж, им не повезло, потому что я планирую объесться до боли в животе всеми этими вкусностями, приготовленными моей женой.

Моя жена. От одной этой мысли меня переполняет гордость и чувство правильности. Именно так и должно быть. Мы созданы друг для друга. Она моя. Настолько сильно мне еще никогда не нравилась мысль о чем-то подобном.

— Ненавижу общаться, — признаюсь я ей. — Я не очень общительный, — я призадумываюсь, потом продолжаю: — Но я все-таки попробую, если захочешь встречаться с соседями.

— Со временем — да, — говорит она, следуя за мной в дом, — но сейчас, мне кажется, я еще не готова.

— Всеу свое время, — уверяю я ее, и я это серьезно. — Если я не увижу их лица еще несколько лет, это меня вполне устроит.

Николь тихо смеется.

— Может, не годы. Но хотя бы несколько месяцев. Я не очень люблю вечеринки и званные приемы. Я скорее домоседка.

— Именно поэтому мы такая идеальная пара, — говорю я, но выговариваю слова медленно, как будто я столь же робок, как школьник-переросток. Проклятие, чувствую себя столь же неловко. Почти что ожидаю, что она примется подтрунивать надо мной из-за того, что я сказал подобное.

Но она этого не делает. Она просто молчит. Я кладу еду на стол и оборачиваюсь...

А Николь уже тут как тут, стоит прямо передо мной. Смотрит на меня снизу вверх с легкой улыбкой, играющей на ее губах. Она снова берет мою ладонь в свою и рассматривает ее. У меня четыре пальца в сравнении с ее пятью. У меня синяя кожа в сравнении с ее чудной розовато-белой. Николь проводит кончиками пальцев по костяшкам моих пальцев, и это легкое прикосновение вызывает у меня дрожь в позвоночнике.

— Ты действительно хочешь меня? — спрашивает она тихим голосом. — Это ты не только из доброты душевной?

Она не смотрит мне в глаза, просто продолжает подушечками пальцев тереть мои костяшки, вперед-назад, и кажется, будто она делает это с моим членом, так сильно я возбужден.

— Я много чего слышал обо мне, — говорю я ей. — Но «добрый» среди всего этого нет.

— Ну, а я бы сказала, что ты добрый, — затаив дыхание, говорит мне Николь. — Добрый и понимающий. Возможно, немного упрямый, но при этом еще и с благородным сердцем. И защищающий. Мне это по душе, — она поднимает мою руку ко рту и проводит губами по моим костяшкам. — И красивый.

На последнем слове меня накрывает всплеск радости. У меня болит колено, и каждым своим дюймом я чувствую себя сломленным мужчиной, которым был, когда вернулся с войны, полным разочарований.

— Некрасивый, — говорю я категорически. — Мы оба знаем, что это правда.

— Как по мне, так ты красивый, — заявляет она и крепко удерживает меня за руку, когда я пытаюсь отойти от нее. — Я вижу твои шрамы. Не думай, что я к ним ослепла. Но я не считаю, что они уродливы. Я считаю, что они рассказывают историю о прошлом, которое ты пережил, прямо как я. А то, что ты был так добр ко мне? Что относился ко мне, как к личности с тех пор, как я попала сюда? — она протягивает руку и прикасается к моему подбородку, и ее рука на моей коже вызывает головокружение, не меньшее, чем

когда она прижимает мою другую руку к своей груди. — Ты самый красивый мужчина, которого я когда-либо видела.

А теперь я прямо весь взмок от пота. Такое ощущение, что мой член вырвется из моих штанов на свободу, если станет еще хоть немного жестче.

— Николь. Я знаю, тебе пришлось многое пережить. Я лишь хочу, чтобы ты знала, что мы можем подождать, пока ты не будешь готова...

И тут мой голос застревает в горле, потому что она кладет мою ладонь на одну из этих ее пышных, восхитительных грудей и смотрит на меня снизу вверх своими огромными глазами. В этот миг на ее лице нет и намека на дразнящую улыбку. Она совершенно серьезна и снова тянется вверх, ко мне.

— Я бы тебя сейчас поцеловала, но не думаю, что смогу дотянуться настолько высоко.

Я слишком поглощен ощущением ее груди в моей руке. Твердый маленький кончик щекочет мою ладонь, напрашиваясь на то, чтобы я потер его. Чтобы погладил его и почувствовал, как он напрягается, и посмотрел на ее реакцию. Мне требуется мгновение, чтобы понять, что она говорит.

— Поцеловала...?

Николь кивает головой.

— Это человеческий обычай. Прикладываешься губами ко рту. Ну, немногим раньше я прикладывалась губами к твоему лицу, однако так получится более интенсивно, лучше, — на ее лице снова появляется улыбка. — Хочешь попробовать? Или нам следует соблюдать законы гигиены, как это делается у вас на родной планете? Леандра прочитала мне лекцию о пластиковой оболочке и необходимости предохранения до тех пор, пока мы не будем полностью готовы к тому, чтобы завести ребенка. О покрытии моего тела, чтобы защититься от микробов, но люди к этому не так относятся, — она прикусывает губу и рукой скользит вниз от моего подбородка к моей груди. — И я хочу прикоснуться к тебе. Всему тебе. Неужели это так неправильно?

Если это и неправильно, я хочу всегда это неправильное разделять вместе с ней. Я выпускаю низкий гортанный стон и, схватив ее под ноги и спину, поднимаю девушку на руки и несу в спальню.

— На хрен эту пластиковую оболочку, — говорю я ей, ненавидя саму мысль о том, чтобы использовать презерватив для защиты моей кожи. Я хочу ласкать все ее тело, как она предлагает. — Перспектива, что ты носишь под сердцем моего ребенка, наполняет меня счастьем.

Ее глаза начинают светиться от счастья, и она обнимает меня за шею.

— Правда?

— Нет ничего, чего бы мне хотелось сильнее, ... если ты сама готова к этому.

— Будь это кто-то другой, я бы сказала, что не уверена. Но с тобой... — она выпускает вздох и протягивает руку, чтобы гладить меня по щеке, пока я кладу Николь на постель. — Но с тобой я хочу всего.

— Ну, раз так, покажи мне, как целоваться.

Она приподнимается в постели, не спуская с меня глаз. Как только я усаживаюсь на край кровати, она залезает ко мне на колени и, расставив ноги, садится верхом на меня. Я напрягаюсь, потому что понимаю, что, если она начнет тереться своим влагиалищем об меня, я могу потерять тот слабый контроль, который у меня еще остался. А Николь лишь

улыбается и, обхватив руками меня вокруг шеи, наклоняется ко мне. Она трется носом о мой, а после этого прижимается губами к моему рту. Этот поцелуй воздушно легкий, сладкий и приятный, ... до тех пор, пока она не засовывает язык мне в рот. Тогда все мое тело начинает полыхать огнем от желания, и я обвиваю ее руками, издавая низкие гортанные стоны, как только ее гладкий маленький язычок принимается набрасываться на мой.

Мне все больше и больше начинают нравиться люди.

Мы ловим уста друг друга снова и снова, переплетаемся языками и исследуем, пока я уже не уверен, где начинается ее рот, а где мой. Когда она отстраняется от меня, я чувствую укол утраты и немедленно наклоняюсь, желая еще больше насладиться ее вкусом. Она принадлежит мне, и я намерен обладать ею, каждой ее частичкой, и неутолимый голод призывает меня еще больше прикладываться губами к ее рту.

По крайней мере, я делаю это до тех пор, пока она, тяжело дыша, кладет руки мне на грудь и начинает развязать завязки спереди моей туники.

— Я никогда раньше не занималась сексом, — затаив дыхание, заявляет она мне. — Меня похитили, когда мне было двенадцать, и Леандра никогда не позволяла никому надругаться надо мной. Так что я... ну, я буду не очень хороша в этом.

— Если ты будешь в этом хоть наполовину так же хороша, как целуешься, я буду самым счастливым мужчиной на Кассе.

Застенчиво наклонив голову, Николь хихикает, пока раскрывает воротник моей туники, и тогда она прижимается своими губами к моей шее.

— Останови меня, если захочешь, чтобы я прекратила.

Остановить? Я хочу, чтобы она делала все, что угодно, и все, о чем она мечтала.

— Я весь твой, делай со мной все, что хочешь, — говорю я ей хриплым голосом. — Прикасайся ко мне, как тебе нравится.

Николь поднимает на меня глаза и улыбается, затем отклоняется назад, чтобы встретиться со мной взглядом.

— Ты уже занимался сексом?

— Давным-давно, — признаю я. — Когда был солдатом. Мы ходили в... бордели, — я даже думать сейчас об этом не хочу, потому что, когда я это делаю, мне вспоминаются там работающие циничные женщины, и представляю себе мою Николь в таком месте. Одна мысль об этом приводит меня в бешенство и делает немного беспомощным, и я крепче прижимаю ее к себе. — Хотя не очень долго и никогда потому, что мне кто-то был безразличен.

— Следовательно, мы оба в этом деле новички, — говорит она, и у меня душа болит от того, насколько она сладкая. Николь снова наклоняется ко мне и прикусывает мое горло. — Давай пообещаем, что постараемся доставить друг другу удовольствие. Ну, чтобы кончить одновременно.

Я не уверен, что понимаю, как это происходит таковым образом, но возможно у людей все по-другому. Несмотря на это, сама идея мне очень даже нравится.

— Что ж... хорошо, — с этой мыслью я кладу руку на воротник ее туники и неумело копошусь в застёжках, гораздо более нарядных, чем на моей одежде. Когда у меня ничего не получается, я наклоняюсь и снова ловлю ее губы, будучи уже пристрастившимся к поцелуям.

В мгновениях между соединений наших губ она задыхается, и ее руки двигаются вверх-вниз по переду ее туники, расстегивая декоративные застёжки. Я прикасаюсь к ней по всему ее телу, с нетерпением дожидаясь, когда она раскроет для меня свою обнаженную кожу. Я вспоминаю ту ночь, когда видел, как она купается, и мой голод к ней лишь усиливается.

Глядя на меня пристальным взглядом, она откидывает назад тунику, обнажая свою грудную клетку. Ее груди покрыты широким тканевым бандажом, который их сильно стягивает. Никогда раньше я не видел ничего подобного.

— Они... они причиняют тебе боль?

Николь трясет головой.

— Просто они намного больше, чем у большинства женщин месакка. Мне нужна дополнительная поддержка, — ее щеки прямо горят. — Поэтому на видном месте я обхожусь без прыжков.

— Я... был бы не прочь посмотреть, как ты прыгаешь, — признаюсь я, а затем поднимаю руку, чтоб обхватить ладонью одну, покрытую бандажом. Она под моей рукой ощущается такой мягкой и захватывающей, и я тяну бандаж вниз, желая увидеть больше. Когда бандаж опускается, груди у нее начинают покачиваться, и тогда я теряю дар речи, увидев их щедрость. Она и правда там очень полная и пышная, с темно-розовыми, крошечными сосками на бледных, сливочных холмиках. Я провожу большим пальцем по кончику одного из них, и он напрягается.

Николь задыхается, ее пальцы впиваются в мою тунику. Она принимается раскачивать бедра поверх моих, влагалищем прижимаясь к моему члену.

— Красивые, — бормочу я, лаская ее груди. Я дразню один, а потом другой, играя с ними, добиваясь, чтобы ее соски напряглись до жестких точек. Каждое прикосновение моих пальцев к ее плоти заставляет ее хныкать, а ее тело передо мной двигается, пока она не начинает вращать бедрами по кругу поверх моих, прижимаясь к моему члену в то время, пока я ласкаю ее.

— Возьми меня в рот, Эмвор, — просит она. — Я хочу почувствовать твой язык на моих сосках.

Мой язык на них? От одной только мысли об этом я начинаю рычать от потребности. Мне нравится эта мысль. Я заключаю ее в свои объятия и разворачиваю наши переплетенные тела назад, пока она не оказывается в постели, лежа на ее спине, а я на ней. Вот так я вижу, как ее груди покачиваются очаровательным образом, как она и говорила, а ее волосы рассыпаны по постельному белью. Роскошно. Я практически дрожу от желания, когда разрываю на ней одежду, желая увидеть больше ее кожи.

Когда ее туника полностью раскрыта, я наклоняюсь вниз и трусь лицом об изгиб одной груди, а затем пробую ее на вкус своим ртом.

Девушка испускает вопль, и ее руки зарываются в мои волосы, прежде чем тянутся к моим рогам. Испустив очередное чувственное хныканье, Николь хватается за них и прижимает мою голову к себе, когда я начинаю пировать на ее грудях, точно так же, как я обращался с ее ртом — лаская их дразнящими движениями моего языка, затем посасывая их кончики, словно они ее язык, а мы в очередной раз целуемся.

Николь нравится это. Она корчится подо мной на постели, извивается и стонет.

Мой разум аж лихорадит от всего того, что я могу сделать с ее телом. Если она в таком восторге от моего рта на ее грудях, каково будет, когда я попробую на вкус ее влагилице? У меня аж слюнки текут при одной мысли об этом.

— Раздвинь для меня свои красивые бедра, — требую я. — Я хочу попробовать тебя на вкус и там.

Я без ума от ее тихого смеха, в то время как она тянется к поясу своих штанов, пока я занимаюсь своей туникой, стаскивая ее с себя. В спешке я разрываю один из швов, но мне плевать. Единственное, что меня волнует, так это сладкое маленькое тело Николь под моим. Хочу почувствовать ее кожу своей собственной.

Зачем я вообще сопротивлялся мысли о ней, как о своей жене? До сего момента я лишал нас обоих этих удовольствий. Больше никогда.

Мгновение спустя она уже обнажена, а ее одежда сброшена на пол. Девушка откидывается на спину на постель и смотрит на меня горящими глазами, полными страстного желания, а ее руки скользят вверх-вниз по бедрам. Я очарован ее видом. Она такая полная потребности, такая мягкая, такая роскошная. Я хочу приложиться к ней губами и попробовать ее на вкус везде, где только смогу.

А на деле, пожалуй, как раз это я и сделаю. Я беру в руку одну из ее изящных ножек и целую лодыжку. Она извивается, поскольку боится щекотки, но не пытается вырваться из моей хватки. Ее пристальный взгляд устремлен на меня, в то время как я продолжаю губами перемещаться вверх, от ее голени к колену, потом к ее сливочному бедру. Я продолжаю двигать дальше... и вот оно. Ее влагилице покрыто небольшим гнездышком кудрей, но оно не может скрыть ни ее красоту, ни влагу, которая течет сквозь ее складки.

Я не могу больше ждать — я раздвигаю ее бедра и медленно, с любовью пробую ее на вкус.

От вопля удовольствия Николь у меня звенит в ушах. Она под моим лицом подрагивает, и этим я наслаждаюсь почти так же сильно, как и ее вкусом — мускусным и восхитительным — на моем языке. Исследуя ее своим ртом, я изучаю ее тело и с удивлением обнаруживаю, что от других женщин она отличается тем, что на вершине ее складок у нее небольшой бугорок. Когда я прикасаюсь к нему своим языком, она сходит с ума... и это лишь заставляет меня хотеть делать это еще больше. Я проявляю неослабевающее внимание на эту крошечную частичку плоти, дразню его и ласкаю, в то время когда исследую ее пальцем, а ее бедра прижимаются к моему рту. Ее вопли становятся все более и более неистовыми, пока она, схватившись за мои рога, не издает короткий вой и ее тело напрягается от силы ее наслаждения.

— Ооо, — выдыхает она. — Ооо, Эмвор.

Я почти теряю контроль над собой от собственного удовольствия, расслышав нотки удивления в ее голосе. Она кажется такой ошеломленной, что я мог вызвать в ней такие ощущения, заставить ее тело почувствовать нечто подобное. Это наполняет меня мощным удовлетворением — я единственный, кто когда-либо к ней так прикасался.

Вот и отлично.

Глава 11

ЭМВОР

— Я хочу прикоснуться к тебе, — шепчет она, как только я усаживаюсь, и проводит рукой по моей груди. — Выяснить все, чем ты отличаешься. А не только твой... язык, — ее личико покрывается румянцем. — У человеческих мужчин там нет шершавостей.

— Ну, тогда хорошо, что у тебя не человеческий мужчина, — говорю я ей, не в силах удержаться от того, чтобы снова провести рукой по ее великолепному маленькому телу.

— Полностью с тобой согласна, — говорит Николь с затуманенным блаженством выражением на лице. — Однако я кончила слишком рано. Мы ведь должны были кончить одновременно.

— Похоже, придется практиковаться, — говорю я ей, снимая штаны и выпуская на свободу член. Я был бы не прочь снова встать между ее бедер и облизывать ее влагиалище до тех пор, пока она еще раз не выкрикнет мое имя, но я хочу ее до боли. Хочу, глубоко погрузиться внутрь нее, наполнить ее собой. Хочу, чтобы ее тело сжалось вокруг меня.

Ее глаза широко раскрываются и, приподнявшись на локтях, она пялится на мой член.

— А это что еще такое?

Но ведь... она же наверняка знает, что такое процесс спаривания?

— Это, — отвечаю я ей, указывая гордым движением руки, — член. Я собираюсь проникнуть им внутрь тебя и сделать тебе ребенка.

Она смотрит на меня, широко разинув рот, и вдруг начинает хихикать, при этом щечки у нее заливаются ярко-красными румянцем.

— Я имела в виду ту штуку, которая над ним. Я знаю, что такое член.

«А-а, это. Уф, какое облегчение!» Я опускаю взгляд на короткий придаток над моим членом, — твердый выступ, длиной в палец, очень напоминающий ту самую штуку.

— Моя шпора?

— Ага. Для чего она?

Я пожимаю плечами.

— У нее нет какой-то конкретной цели. Она просто есть, так же, как и мой хвост, — полагаю, для нее есть какие-то медицинские обоснования, но на данный момент ничего не приходит в голову. Я не могу думать ни о чем другом, кроме нее, обнаженной красавице, растянувшейся на моей постели, и том, как я хочу быть в ней. — Она не причинит тебе вреда.

— Ясно, — говорит девушка, но голос у нее дрожит. Выражение ее лица наполнено сомнением.

— Хочешь остановиться? — спрашиваю я, двигаясь, чтобы лечь на постель рядом с ней. — Тебе нужно больше времени? Я не стану возражать, если это так.

Мотнув головой, она кладет руку мне на грудь.

— Нет-нет, не надо. Я просто очень удивилась, когда ее увидела. Я тебе доверяю.

Не в силах сдержаться, я обнимаю ее рукой за шею и притягиваю поближе к себе, чтобы еще раз поцеловать. Я люблю прикасаться к ней, пробовать ее на вкус. Когда мы целуемся, ее руки ложатся мне на плечи, а я медленно перемещаюсь, пока не оказываюсь на ней, заключив ее в клетку своих рук, чтобы не раздавить ее своим весом. Ее изящная

фигурка лежит подо мной, и когда я провожу рукой по ее бедру, она сладко раздвигает свои ноги, ожидая, когда я наполню ее.

Я сдерживаю свой стон. Я должен себя контролировать. Это будет ее первый раз, а ведь она такая маленькая. «Осторожнее», — предупреждаю я себя.

Но тут она обхватывает меня одной из своих стройных ножек вокруг моих бедер и ступней вонзается в мою ягодицу, толкнув меня вперед.

— Эмвор, — говорит она, и мое имя в ее устах звучит просто потрясающе. — Давай же, сделай меня своей.

Я слабый мужчина и не в силах сопротивляться подобной просьбе. Я продвигаюсь телом вперед, проталкиваясь бедрами между ее бедер. Мой член упирается во влажный жар ее влагалища, и я вожу им взад-вперед, чтобы смочить его ее соками. Покрытие пластиковой оболочки было бы промасленным, поэтому я знаю, что мой член должен быть достаточно влажным, чтобы проникнуть в нее. Я впервые занимаюсь сексом без пластиковой оболочки, покрывающей мою плоть, и все ощущается более интенсивным, более экстренно необходимым. Я не уверен, что когда-нибудь смогу вернуться к прежнему, не после испытанного сейчас.

Не то, чтобы я буду нуждаться в этом. Кроме Николь мне уже никто не нужен, никогда в жизни. Она смотрит на меня нежными, наполненными блаженством глазами, а ее руки скользят по моим плечам и рукам, как будто она не может перестать касаться меня. Я хочу снова доставить ей удовольствие, и эта мысль заставляет меня действовать медленно, когда я прислоняю головку моего члена к ее узкому входу и медленно продвигаюсь вперед. Она сжимает туго, жарко и мучительно, и, кажется, проходит целая вечность, чтобы я проник хотя бы наполовину.

Хотя это того стоит, потому что Николь тихонько охает и извивается подо мной, и я чувствую каждое ее движение.

— Мне казалось, что будет больно, Эмвор, но мне так нравится.

— Нравится? — спрашиваю я скрипучим голосом, едва сохраняя контроль. Инстинкт велит мне вколачиваться в ее теплое тепло, заявить права на нее как можно более дико, но мне слишком сильно нравится то испытываемое ею удовольствие, что сияет в ее глазах, чтобы делать подобное. Я подаю бедрами назад и делаю осторожный выпад внутрь нее, продвигаясь чуть глубже, при этом внимательно наблюдая за ее реакцией. Она закрывает глаза и вздыхает от удовольствия, а ее пальцы впиваются в мои плечи в молчаливом поощрении о большем.

Я даю ей это, с каждым осторожным раскачиванием бедер делаю выпад чуть-чуть поглубже и едва держась за здравомыслие, пока я медленно и бережно делаю ее своей. Когда я наконец-то полностью погружаюсь в нее, я замираю, наслаждаясь ощущением ее тугого тела, сжимающего мое. Я чувствую каждую дрожь, которая сотрясает ее, каждый вздох удовольствия, каждую легкую рябь захвата ее влагалища вокруг моего члена.

— Моя Николь, — говорю ей низким голосом. Я поднимаю руку, чтобы приласкать ее лицо. Я нахожу ее красивой, несмотря на странность ее человеческих черт. — Моя жена.

Она поворачивает голову и сжимает губами кончик моего большого пальца, игриво подталкивая к большему. Испустив стон, я толкаюсь в нее, не в силах остановить произвольное движение моих бедер. Она задыхается, а глаза у нее загораются.

— Оооо, я своим клитором почувствовала твою шпору. Это так потрясающе. Сделай это еще.

Моя сладкая, идеальная пара. Я даю ей то, о чем она просит, толкаясь в нее медленным, устойчивым ритмом, который по ощущениям захватывает и превосходит все, что я мог себе вообразить. Зажим ее тела одновременно и тугой, и доставляющий мне удовольствие, и мне нравится ощущать ее подо мной, то, как ее груди подсакивают от моих толчков, как от наслаждения она стонет и сжимает меня, несмотря на возрастающую интенсивность моих движений.

— Еще, о, прошу тебя, еще! — кричит она снова, и я теряюсь в ней. Мое тело уже покрыто блеском от капель пота, когда я теряю тот маленький контроль, который у меня еще остался, и начинаю толкаться в нее дико, врезаюсь настолько сильно, что наши тела скользят поверх одеял, а мои рога с каждым выпадом ударяются об изголовье. Плевать. Куплю другое гребаное изголовье, когда в следующий раз по приезду в город буду покупать роботов. Не важно. Ничего уже не важно, кроме тела Николь подо мной и слабые вскрики экстаза, которые она издает, когда я делаю ее своей.

Затем ее влагалище сжимает мой член, словно тиски, и я чувствую, как ее мышцы волнообразно пульсируют вокруг меня, ее тело напрягается и, когда она снова кончает, от удивления ее рот раскрывается в безмолвном «О». Я взрываюсь собственным освобождением, и, зажав в руке ее волосы, я запираю ее тело под собой, в то время как вколачиваюсь в нее, наполняя ее своим семенем и клеймя ее окончательно.

Мы вместе падаем в кучу наших вспотевших конечностей и липкой кожи. Я очарован ощущением ее — всей ее — прижатой ко мне. Она обнимает меня за талию и, прижавшись ко мне еще ближе, счастливо вздыхает.

— Мне понравилось, — говорит она мне.

— Понравилось? — я тихо посмеиваюсь. — Было не понятно. Ничего такого я не расслышал, кроме всех этих воплей и стонов...

Ее маленькая ладошка закрывает мне рот прежде, чем я успеваю закончить предложение, и она начинает хихикать.

— Ты что, только что пошутил? Ну надо же, Эмвор как следует потрахался, и сразу после этого он превращается в совершенно другого мужчину.

Придя в изумление, я прикусываю ее пальчики. Я и правда чувствую себя немного по-другому. Мне легче на душе. Я счастливее. Куда сильнее по-собственнически отношусь к своей женщине, чем мне представлялось возможным раньше. И практически готов вновь ею обладать, осознав, что мой член, который все еще глубоко внутри нее, пробуждается. Я убираю волосы с ее лица. Щеки у нее все еще разрумянены, и она до сих пор тяжело дышит. Я дам ей минутку отдышаться, прежде чем снова возьму ее. Ей необходимо отдохнуть.

Я продолжаю гладить ее волосы, а она закрывает глаза и прижимается ко мне. Я люблю это — тесное переплетение наших тел. Чувствую, что это правильно. Идеально. Это именно то, о чем я всегда мечтал, когда представлял себе пару, жену. Я отдавал себе отчет в том, что мне придется отказаться от своей мечты, когда отправлялся сюда, в одиночку. Я считал, что мне нужна супруга, с которой будем работать на ферме как партнеры.

Уже нет. Мне нужна супруга для моего любящего сердца. Спутница жизни. Любовница. И Николь — это все, что я мог когда-либо хотеть в своей жизни и даже больше.

Проводя пальцем по моей ключице, она издает тихий вздох.

— Ты же понимаешь, что мы все равно все сделали неправильно.

— Ммм...? Сделали неправильно что? — я наклоняюсь к ней и прижимаюсь к ее гладкому человеческому лбу.

— Я кончила раньше тебя. Мы не правильно рассчитали время.

— Кажется, я понял, — произношу я медленно, перекачивая наши переплетенные тела так, чтобы она снова оказалась на спине, — тебе не помешало бы побольше практиковаться.

— Много и много... практиковаться..., — соглашается она, лаская меня. — Надеюсь, ты не против.

Ничего лучшего я себе даже представить не могу.

Конец